

A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns, featuring small bird-like motifs at the corners, framing the entire page.

Вильям Шекспир

**КАК ВАМ ЭТО
ПОНРАВИТСЯ**

Перевод Юрия Лифшица



ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

СТАРЫЙ ГЕРЦОГ, живущий в изгнании.

ФРЕДЕРИК, брат герцога, узурпатор.

АМЬЕН } вельможи при изгнанном герцоге.

ЖАК

ОЛИВЕР

ЖАК

ОРЛАНДО

} сыновья Роланда де Бора.

АДАМ } слуги Оливера

ДЕНИ

ТОЧИЛЛИ, шут.

ОЛИВЕР ПУТАНС, священник.

КОРИНН

СИЛЬВИЙ

} пастухи.

ВИЛЬЯМ, деревенский парень, влюбленный в Одри.

ПАСТУХ, изображающий Гименея.

РОЗАЛИНДА, дочь изгнанного герцога.

СЕЛИЯ, дочь Фредерика.

ФЕБА, пастушка.

ОДРИ, деревенская девушка.

ВЕЛЬМОЖИ, ПАЖИ и СЛУГИ.

*Место действия — дом Оливера; двор Фредерика;
Арденнский лес.*





АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Сад перед домом Оливера.

Входят ОРЛАНДО и АДАМ.

ОРЛАНДО. Насколько я помню, Адам, мне и моему брату Жаку отец завещал по жалкой тысяче крон с тем, чтобы наш старший братец позаботился о нашем воспитании. С тех пор жизнь моя пошла наперекосяк. Жаку было дозволено ходить в школу, и о его сказочных успехах идет молва. Я же, по прихоти старшего брата, получал домашнее образование, то есть торчал дома, как обыкновенный простолюдин. Чем же я, воспитанный таким вот образом, буду отличаться от быка в стойле? Даже у лошадей брата участь завидней: их не только кормят, но и обучают всяким лошадиным премудростям. А ведь жокеи обходятся недешево. А мне, своему родному брату, Оливер милостиво разрешил расти как мне вздумается, за что я обязан ему не больше свиньи, добывающей пропитание на помойке. И за эту свою милость он, кажется, решил убить во мне ту малость, источником которой является сама природа: кормит меня наравне со слугами, не считает за брата и всячески вытравливает из меня врожденное чувство собственного достоинства. Это наконец невыносимо, Адам. Кровь отца, текущая в моих жилах, буквально вскипает от подобного унижения. Так больше продолжаться не может, хотя я ума не приложу, как выйти из этого положения.

АДАМ. А вот и мой господин, ваш брат.

ОРЛАНДО. Притаись где-нибудь, Адам, и ты лишний раз увидишь, как он издевается надо мной.

Входит ОЛИВЕР.

ОЛИВЕР. И что ты здесь творишь?

ОРЛАНДО. Ничего. Меня ничему не учили, чтобы я мог заниматься каким-либо творчеством.

ОЛИВЕР. В таком случае — что ты здесь вытворяешь?

ОРЛАНДО. Благодаря вам, сэр, я своим бездельем вытворяю такое над изделием Творца — вашим пропащим братом...

ОЛИВЕР. Воля твоя, твори, что хочешь, только постарайся не попадаться мне на глаза.

ОРЛАНДО. Что же мне, по-вашему, водить овец и питаться отрубями? Я разве промотал имение, чтобы превратиться в попрошайку?

ОЛИВЕР. Ты, видно, забыл, где находишься.

ОРЛАНДО. Как же, сэр, — в вашем саду.

ОЛИВЕР. Может быть, тебе напомнить, кто стоит перед тобою?

ОРЛАНДО. Не стоит. Память у меня не отшибло, чего не скажешь о том, кто стоит передо мною. Вы мой старший брат, и голос крови, благородной крови, мог бы вам напомнить о том, что и я вам не чужой. Вековая традиция, чтущая первородство, ставит вас выше, но не менее древние обычаи не отрицают моего родства с вами, будь между нами хоть двадцать братьев. У нас был один отец, но вы явились на свет раньше и только поэтому, видимо, притязаете на весь почет, который стяжал наш отец.

ОЛИВЕР. Ах ты молокосос!

ОРЛАНДО. Спокойнее, старшенький братец, спокойнее, у тебя самого еще молоко на губах не обсохло.

ОЛИВЕР. И ты дерзнул поднять на меня руку, подлец!

ОРЛАНДО. Я не подлец. Я младший сын Ролана де Бора, дворянина, и трижды подлец тот, кто дерзнул назвать отпрыска такого отца подлым по происхождению. Не будь ты моим братом, я не успокоился бы, пока не выдрал из глотки твой гнусный язык! Ты унизил самого себя!

АДАМ (*подходя*). Не надо ссориться, добрые господа. В память вашего отца, обнимитесь.

ОЛИВЕР. Прочь руки, сказал!

ОРЛАНДО. погоди, я тебе еще не все высказал! Отец завещал тебе дать мне приличное образование, а ты растил меня среди мужиков, всячески третировал и мешал мне воспитывать в себе достоинства, присущие каждому шевалье. Дух отца взбунтовался во мне и не желает больше подчиняться произволу. Или я буду жить так, как подобает дворянину, или верни мне жалкие крохи, оставленные отцом, и я отправлюсь на поиски моей фортуны.

ОЛИВЕР. И чем ты займешься, когда прокутишь свою тысячу? Пойдешь с протянутой рукой? Впрочем, мне на тебя наплевать. Ты мне надоел. Бери свое добро и катись отсюда. Знать тебя больше не желаю.

ОРЛАНДО. Я не отстану от тебя, пока не получу своей доли.

ОЛИВЕР. И ты катись вместе с ним, старый пес!

АДАМ. Старый пес? И это за все мои труды! Однако вы правы: этот пес на вашей службе потерял все зубы. Царствие небесное моему старому хозяину! Он никогда не обидел бы верного слугу.

(ОРЛАНДО и АДАМ уходят.)

ОЛИВЕР. Вот, значит, как! Ты подрос и начинаешь тяфкать, юный наглец? Но я тебя укорочу, а тысячи крон ты не увидишь как своих ушей. Эй, Дени! Где ты там?

Входит ДЕНИ.

ДЕНИ. Что вам угодно, ваша милость?

ОЛИВЕР. Ко мне должен был прийти Карл, атлет герцога. Он хотел поговорить со мною.

ДЕНИ. Он уже пришел. Прикажете принять?

ОЛИВЕР. Да, пригласи его.

(ДЕНИ уходит.)

Ведь они завтра борются... Отличная мысль, честное слово!

Входит КАРЛ.

КАРЛ. С добрым утром, ваша милость.

ОЛИВЕР. Итак, милый Карл, что нового говорят при новом дворе?

КАРЛ. При новом дворе, сэр, старые разговоры. Новый герцог, как вы знаете, изгнал своего старшего брата, старого герцога, за которым по своей охоте последовали трое или четверо верных старику дворян. Их поместья и доходы с них достались новому герцогу, и поэтому он всячески поощряет охоту к перемене мест, возникшую у старого двора.

ОЛИВЕР. Скажите, а дочь старого герцога отправилась вместе с отцом?

КАРЛ. В том-то и дело, что нет. Как вам известно, у нее есть двоюродная сестра, дочь нового герцога. Их воспитывали вместе с колыбели, и они настолько привязались друг к другу, что одна или сопровождала бы другую в странствиях, или умерла бы с горя в разлуке с любимой сестрой. Новый герцог почитает племянницу, оставшуюся при дворе, за собственную дочь. А уж как эти девушки любят друг друга — я вам и сказать не могу.

ОЛИВЕР. А где скрывается старый герцог?

КАРЛ. По слухам, в Арденнском лесу. Там подобралась веселая компания молодых людей. Живут они себе припеваючи, как в доброй старой Англии времен Робин Гуда. Словом, у них там золотой век, да и только.

ОЛИВЕР. Вы, если не ошибаюсь, завтра боретесь при дворе нового герцога?

КАРЛ. Так точно, сэр, с этим-то я к вам и пришел. По словам верных мне людей, ваш младший брат Орlando намерен явиться инкогнито ко двору герцога и принять мой вызов. Завтра, сэр, будет поставлена на карту моя честь, и дешево отделается тот, кто после схватки со мной не досчитается одного-двух ребер. Брат ваш еще очень молод и чувствителен к боли. Из любви к вам я бы не хотел слишком сильно помять его, но если он все же рискнет сразиться со мной, то мне придется это сделать ради моей репутации. Я вас очень люблю и прошу или убедить юношу не становиться мне поперек дороги, или не обижаться на того, кто невольно огорчит вас. Во всем будет виновен ваш брат.

ОЛИВЕР. Благодарю тебя за любовь, Карл, и постараюсь отплатить тебе тем же. Когда я узнал о замыслах брата, я пошел на все, чтобы отговорить его. Но он несговорчив. Надо тебе сказать, Карл, этот малый переупрямит во Франции кого угодно. Этому тщеславному юнцу действуют на нервы доблести других людей. Мало того, он втайне строит козни мне, своему родному брату! Делай с ним что хочешь. Можешь сломать ему все: от позвоночника до ступни. Я умываю руки. Но имей в виду: если ты не отделаешь его на славу или схватка с тобой закончится для него бесславно, берегись. Он подсыплет тебе яду, толкнет тебя в яму на охоте, будет отравлять тебе жизнь до тех пор, пока тем или иным способом не отнимет ее. Веришь ли, — у меня сердце кровью обливается, — веришь ли, я не знаю никого, кто в таком юном возрасте отличался бы подобной низостью. Если бы он не был моим братом, и я открыл бы тебе все его нутро, мне пришлось бы краснеть и плакать, а тебе — бледнеть и ужасаться.

КАРЛ. Я рад от всего сердца, что зашел к вам. Ну, если он завтра явится, я ему за вас отплачу. И чтоб мне никогда не побеждать в схватках, если потом он обойдется без костылей! Да хранит вас Бог, ваша милость!

ОЛИВЕР. До встречи, милый Карл.

(КАРЛ уходит.)

Надо сделать все, чтобы этот силач не остыл до поединка. Будем надеяться, он покончит с братом. Не помню, чтобы я ненавидел

кого-нибудь так же, как его. С чего бы это? Брат вроде и учтив, и благородно настроен, и воспитан, хотя и не имел гувернеров. Сердца всех людей распахиываются перед ним, а мои домашние, знающие его с детства, души в нем не чают. Из-за него я вечно остаюсь в тени. Но скоро этому придет конец. Атлет герцога разгонит тучи. Надо только настроить мальчишку Пойду-ка разыщут его. (*Уходит.*)

Сцена вторая

Лужайка перед замком герцога.

Входят РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ.

СЕЛИЯ. Ну, пожалуйста, Розалинда, сестричка моя милая, улыбнись.

РОЗАЛИНДА. Селия, радость моя, я и так поминутно улыбаюсь, а тебе хочется, чтобы улыбка навеки застыла на моем лице. Если твои уроки не заставили меня забыть изгнанного отца, то твои правоучения не принудят меня вспомнить об оставленных мною удовольствиях.

СЕЛИЯ. Следовательно, моя любовь к тебе перевешивает твою ко мне. Вот если бы мой дядя стал герцогом, то есть если бы твой отец, изгнав моего, нас бы при этом не разлучил, то я из любви к тебе научилась бы считать твоего отца своим. И ты сделала бы то же самое, если бы любила меня по-настоящему, с такою же неподдельной пылкостью, с какою я люблю тебя.

РОЗАЛИНДА. Прикажешь мне забыть о безысходности моего положения и радоваться выгоде твоего?

СЕЛИЯ. Нет, я лишь хочу тебе напомнить, что у моего отца только одна дочь и что других детей у него нет и не предвидится. Так вот: когда он умрет, ты тоже будешь его наследницей. И все, что твой отец уступил моему поневоле, я возвращаю тебе полюбовно. Клянусь небом, так и будет! И пусть я стану уродиной, если нарушу свой обет. Так неужели и теперь моя милая Роза, моя дорогая Линда не улыбнется?

РОЗАЛИНДА. Теперь, сестричка, я готова не только улыбаться, но и подумать о развлечениях. Кстати, не увлечешься ли мне кем-нибудь? Что ты на это скажешь?

СЕЛИЯ. Пожалуйста. Сделай одолжение. Чем любовь не раз-

влечение? Только не увлекайся подобными развлечениями все-рьез. После любовного приключения твои щеки должны сохранить румянец невинности, а честь — не потерпеть никакого урона.

РОЗАЛИНДА. А как мы будем развлекаться?

СЕЛИЯ. Попробуем с помощью остроумия заставить милую бабушку-Фортуну внимательнее следить за своим колесом, чтобы отныне она была щедра ко всем без исключения.

РОЗАЛИНДА. Ах, если бы у нас это получилось! Ведь она исключительно бестолкова в распределении благ. Особенную близорукость обнаруживает эта щедрая старушка, когда осыпает благодеяниями нас, женщин.

СЕЛИЯ. Ты права. Красавицам она порой отказывает в добродетели, а добродетельных зачастую наказывает отсутствием привлекательности.

РОЗАЛИНДА. Тут ты ошибаешься. Ты считаешь Фортуну владычицей в царстве Природы. Однако Фортуна распределяет в мире только материальные блага, тогда как внешностью награждает нас Природа.

Входит ТОЧИЛЛИ.

СЕЛИЯ. Как это — ошибаюсь? Разве Фортуна не может изуродовать красоту, созданную Природой? Если мы с помощью природного остроумия насмеемся над Фортуной, то, может быть, именно Фортуна с помощью этого дурака обрезает нить нашего разговора.

РОЗАЛИНДА. Значит, Фортуна ни во что ставит Природу, если присланный Фортуной прирожденный придурок может срезать природного острослова.

СЕЛИЯ. Но может, ты все-таки права, и здесь замешана не Фортуна, а Природа? Что если мы, по мнению Природы, слишком тупо остроим, хотя это не к лицу таким полубогиням, как мы? Тогда этот точильный камень, то есть этот дурак, направлен к нам именно Природой. Сплошь и рядом о тупость дурака природные острия затачивают свои остроты. — Эй, острослов, куда тебя несет?

ТОЧИЛЛИ. Меня послал ваш батюшка за вами, госпожа.

СЕЛИЯ. Ты теперь служишь ему послом?

ТОЧИЛЛИ. Клянусь честью, нет. Просто он велел мне позвать вас.

РОЗАЛИНДА. От кого ты узнал эту клятву, шут?

ТОЧИЛЛИ. От одного очень странного рыцаря. Мы ели с ним говядину с горчицей и заспорили: он клялся собственной честью, что говядина еще куда ни шло, а горчица никуда не годится, а я доказывал, что говядина никуда не годится, а горчица еще куда

ни шло. И все-таки, если предположить, что я был прав, ложной клятвы рыцарь не дал.

СЕЛИЯ. А как ты убедишь в этом нас, ходячая палата ума?

РОЗАЛИНДА. В самом деле, спусти с цепи свое красноречие.

ТОЧИЛЛИ. Посмотрите друг на друга, возьмитесь за подбородки и поклянитесь своими бородами, что я плут.

СЕЛИЯ. Будь у нас бороды, мы бы поклялись ими, что ты плут.

ТОЧИЛЛИ. Будь я плутом, я бы тоже в этом поклялся. Но если бы вы поклялись тем, чего у вас нет, вы не дали бы ложной клятвы. Не солгал и тот рыцарь, поклявшись собственной честью, которой у него отродясь не было. Нет, возможно, она у него и была когда-то, но он утопил ее в ложных клятвах задолго до того, как ему подали говядину с горчицей.

СЕЛИЯ. О каком рыцаре, скажи на милость, ты ведешь речь?

ТОЧИЛЛИ. О том, который сейчас в чести, по милости вашего отца.

СЕЛИЯ. Тот, кто в чести у моего отца, не может быть бесчестным. Ты обнаглел, шут. Попридержи язык, пока тебе его не укоротили.

ТОЧИЛЛИ. Досадно, что дуракам запрещено разумно оценивать дурацкие поступки благоразумных людей.

СЕЛИЯ. Ты говоришь сущую правду. С тех пор как дуракам запретили пользоваться имеющейся у них каплей разума во благо умным, стала куда заметнее капля дурости, имеющаяся у благоразумных людей. Смотрите, к нам идет господин Де Форс.

РОЗАЛИНДА. Обремененный новостями.

СЕЛИЯ. Которыми он нас закормит, как голубь свой выводок.

РОЗАЛИНДА. И от этого мы растолстеем.

СЕЛИЯ. Благодаря чему приобретем более товарный вид.

Входит ДЕ ФОРС.

Здравствуйте, господин Де Форс. С чем это вы к нам пожаловали?

ДЕ ФОРС. Очаровательная принцесса, очень сожалею, но вы упустили возможность посмотреть поучительную картину.

СЕЛИЯ. Картину? А в каких тонах?

ДЕ ФОРС. Виноват, госпожа, но я не знаю, что вам ответить.

РОЗАЛИНДА. То, что подскажет остроумие и удача.

ТОЧИЛЛИ. Или присоветует провидение.

СЕЛИЯ. Ты хватил через край, шут.

ТОЧИЛЛИ. Как и положено шуту.

РОЗАЛИНДА. Тогда твое положение очень шатко.

ДЕ ФОРС. Сударыни, вы поставили меня в тупик. Я только хотел вам сказать, что вы упустили случай понаблюдать за поединком борцов, вот и все.

РОЗАЛИНДА. И что вы имели нам сообщить?

ДЕ ФОРС. С вашего разрешения, я начну с начала. Хотя состязание было прервано на самом интересном месте, окончание борьбы ваша светлость может увидеть здесь, потому что именно здесь схватка продолжится.

СЕЛИЯ. Прекрасно. Но где же ваше начало? Убито и зарыто?

ДЕ ФОРС. Вызов приняли старик и трое его сыновей...

СЕЛИЯ. Недурное начало для сказки.

ДЕ ФОРС. Трое добрых молодцев, писанных красавцев...

РОЗАЛИНДА. С надписью на шее: «Доводится до сведения каждого...».

ДЕ ФОРС. Не успел выйти старший брат, как борец герцога по имени Карл схватил его и ударил оземь. Боюсь, у молодого человека переломаны кости. Жизнь его висит на волоске. Среднего и младшего постигла та же участь. Они лежат без движения, а несчастный старик-отец горько сетует на постигшую их судьбу. Наблюдать за страданиями этой семьи выше человеческих сил.

РОЗАЛИНДА. Бедолаги!

ТОЧИЛЛИ. Виноват, господин Де Форс, какую такую поучительную картину не увидела очаровательная принцесса?

ДЕ ФОРС. Ту, о которой я только что рассказал.

ТОЧИЛЛИ. Не скоро, видимо, я поумнею. Я и не подозревал, что наблюдать за игрой в сломанные кости — поучительно для принцесс.

СЕЛИЯ. Разделяю твое недоумение.

РОЗАЛИНДА. Стало быть, еще нашлись охотники превратить свое тело в ударный инструмент? Или попасть на прием к костолому? Стоит ли нам смотреть на это, сестра?

ДЕ ФОРС. Если вы не уйдете с этой лужайки, вам придется стать свидетельницами борьбы. Как я уже говорил, она будет продолжена именно здесь и именно сейчас.

СЕЛИЯ. Делать нечего, остаемся. Тем более, что сюда уже идут.

Трубы. Входят ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК, ДВОРЯНЕ, ОРЛАНДО, КАРЛ и СЛУГИ.

ФРЕДЕРИК. Приступим. Если этот самоуверенный юноша глух к голосу разума, пусть пеняет на себя.

РОЗАЛИНДА. Кого имеет в виду дядя?

ДЕ ФОРС. Вон того молодого человека.

СЕЛИЯ. Бедненький, он и впрямь чересчур молод. Но, судя по его виду, не сомневается в своих силах.

ФРЕДЕРИК. Верить ли глазам? Селия, Розалинда? Неужели вы решили посмотреть на борьбу?

РОЗАЛИНДА. С дозволения вашей светлости.

ФРЕДЕРИК. Вряд ли вы получите удовольствие от схватки столь неравных противников. Жаль юношу, которому захотелось бороться с Карлом. Я пытался отговорить несчастного, но он еще больше разохотился. Может быть, вам удастся его отохотить.

СЕЛИЯ. Попросите его подойти к нам, милейший Де Форс.

ФРЕДЕРИК. Желаю вам преуспеть. А я отойду в сторону, чтобы не смущать его. (*Отходит.*)

ДЕ ФОРС (*подходя к ОРЛАНДО*). Господин охотник до борьбы, принцессам угодно пригласить вас для разговора.

ОРЛАНДО. Почту за честь повиноваться им.

РОЗАЛИНДА. Чего ради, юноша, вам пришла охота вызвать Карла?

ОРЛАНДО. Простите, очаровательная принцесса, это он возымел охоту вызвать всех кому не лень. А я, глядя на других, захотел узнать, чего стоят мои молодые силы.

СЕЛИЯ. Ах, юноша, вы по молодости лет склонны их переоценивать. Разве вы не видели, какие жестокие уроки дает этот силач? Если бы вам дано было увидеть себя в сравнении с ним и сделать из этого надлежащие выводы, то чувство самосохранения посоветовало бы вам укротить вашу смелость. Умоляем вас, подумайте о себе, оставьте ваше намерение, и оставайтесь целым и невредимым.

РОЗАЛИНДА. Нам бы этого очень хотелось, молодой человек. Герцог по нашей просьбе отменит состязание, и ваша честь не пострадает.

ОРЛАНДО. Поверьте, для меня сущее наказание — уронить себя в ваших глазах. С моей стороны грешно отказывать в чем бы то ни было столь очаровательным и блестящим леди. Да помогут мне ваши нежные взоры и благородные помыслы. Но если меня одолеют, утратит славу тот, кто никогда не имел ее; если убьют, могила примет того, кому нечем жить; меня не станут оплакивать друзья, которыми я не успел обзавестись; мир останется целым и невредимым, потому что мне нечего взять с собою; пустоту, образовавшуюся из-за моего ухода, заполнит тот, кто лучше меня.

РОЗАЛИНДА. Ах, если бы я могла влить в ваши силы каплю своих!

СЕЛИЯ. А я подлить свою.

РОЗАЛИНДА. Ступайте. И дай нам Бог ошибиться в вас!

СЕЛИЯ. И пусть воплотятся ваши самые заветные желания.

КАРЛ. Ну-с, где наш юный рыцарь, который желает до срока очутиться в объятиях матери-земли?

ОРЛАНДО. Он здесь, сэр, но его желания не заходят так глубоко.

ФРЕДЕРИК. Напоминаю, проигравшим считается тот, кто упадет первым.

КАРЛ. Ваша светлость, хоть вам и не удалось отговорить его от первой попытки, на вторую вы его уже не уговорите. Это я вам обещаю.

ОРЛАНДО. Если вы до боя истратите все свои насмешки, едва ли вам придется посмеяться после него. Давайте начинать.

РОЗАЛИНДА. Сохрани тебя Геркулес, юноша!

СЕЛИЯ. Будь я невидимкой, я бы сбила с ног этого здоровяка.

КАРЛ и ОРЛАНДО борются.

РОЗАЛИНДА. Да он просто великолепен, этот юноша!

СЕЛИЯ. Ах, если бы мои глаза метали молнии, они бы знали кого поразить!

КАРЛ падает. Рукоплескания и крики.

ФРЕДЕРИК. Ну, хватит, хватит!

ОРЛАНДО. Ваша светлость, что вы?

Я даже не размялся.

ФРЕДЕРИК. Как там Карл?

ДЕ ФОРС. Увы, мой повелитель.

ФРЕДЕРИК. Унесите.

Как, юноша, зовут тебя?

ОРЛАНДО. Орландо.

ФРЕДЕРИК. А твоего отца?

ОРЛАНДО. Ролан де Бор.

Я младший сын его.

ФРЕДЕРИК. Я предпочел бы,

Чтоб не его ты называл отцом.

Снискал он уважение народа,

А для меня заклятым был врагом.

Тебя б я за победу наградил,

Будь не таким твое происхождение.

Ты молод, смел, такие мне нужны.

Назвался бы ты иначе... Прощай.

(ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК, СВИТА и ДЕ ФОРС уходят.)

СЕЛИЯ. На месте моего отца, сестрица,

Я так бы никогда не поступила!

ОРЛАНДО. Я младший сын де Бора, дворянина, —

Что титулы твои мне, Фредерик,
Когда такой отец был у меня!

РОЗАЛИНДА. В Ролане мой отец души не чаял.

Все разделяли мнение отца.
И если б молодой де Бор назвался,
Я б на коленях юношу молила
Не подвергать опасности себя.

СЕЛИЯ. Сестра, поздравим юного героя.

Завистливая отповедь отца
Буквально покорила меня. —
С победою заслуженною, сэр.
И если вы прославились в любви,
Как славитесь в бою, благословенна
Возлюбленная ваша.

РОЗАЛИНДА. Шевалье!

(Снимает с шеи цепочку и подает ОРЛАНДО.)

Та, от кого Фортуна отвернулась,
Не только это вам бы отдала,
Но на руках оковы у нее.
Сестрица, мы идем?

СЕЛИЯ. Идем, сестрица.

До скорой встречи, милый шевалье.

ОРЛАНДО. Что же это я? Не поблагодарил?
Невежей стал? Бесчувственным столбом?
Стою как пень, как чучело для рубки!

РОЗАЛИНДА. Позвал он? Вот и гордости конец,
Как и надежде счастье обрести. —
Вы не меня позвали, шевалье?
И где вы так бороться наловчились?
Не одного соперника сегодня
Смогли вы на лопатки положить.

СЕЛИЯ. Ну, что же ты, сестра?

РОЗАЛИНДА. Иду. Прощайте.

(РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ уходят.)

ОРЛАНДО. Чем я смущен? Лишился языка?

Она ждала ответа — я смолчал.
Орландо злополучный! Ты повержен
Не силой мышц, а хрупкостью любви.

Возвращается ДЕ ФОРС.

ДЕ ФОРС. Я вам как друг советую, милейший,
Бежать и поскорей. Не обольщайтесь
Заслуженною славой при дворе:
Ее не в вашу пользу истолкует
Неистовый и злобный Фредерик:
Подвержен он немислимым страстям.
Я вас прошу мне на слово поверить,
И не рискуйте перепроверять.

ОРЛАНДО. Спасибо, сэр. Не скажете ли мне,
Которая дочь герцога из двух
Свидетельниц окончившейся схватки?

ДЕ ФОРС. По нраву, сэр, ни та и ни другая,
А по природе, — та, что ниже ростом.
А та, что выше, нежели сестра, —
Дочь прежнего владыки Розалинда.
Ей дядя-узурпатор разрешил
Остаться при двоюродной сестре:
Друг другу сестры ближе, чем родные.
Но герцога давно уж раздражает
Прекрасная племянница его,
И только потому, что все вокруг
Твердят о добродетелях ее
И сострадают дочери изгоя.
Но я клянусь, что скоро он сорвется,
И девушке несдобровать. Прощайте.
Когда наступят лучше времена,
Я к вам приду о милости просить.

ОРЛАНДО. Спасибо за участие. Прощайте.

(ДЕ ФОРС уходит.)

Я из огня да в полымя, бедняк:
Брат — враг по крови, герцог — кровный враг.
Но Розалинда — ангел во плоти.

(Уходит.)

Сцена третья

Покои в замке.

Входят РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ.

СЕЛИЯ. Не может быть, Розалинда, сестричка! С нами Купидон! Неужели ни одного слова?

РОЗАЛИНДА. Ни единого. Дворняжке он бы, наверное, и то бросил бы одно-другое.

СЕЛИЯ. Но своими словами ты, пожалуйста, не бросайся: эти перлы не для дворняжек. Швырни-ка их мне, уничтожь меня умозаключениями.

РОЗАЛИНДА. Хороши же мы будем, если одну из нас уничтожат умозаключения, а другую — сведет с ума их отсутствие.

СЕЛИЯ. Касающихся твоего отца?

РОЗАЛИНДА. Разумеется, отца, но только отца моего будущего ребенка. Ах, до чего же богата шипами наша повседневная жизнь!

СЕЛИЯ. Нет, это репы, которыми порой бросают в нас дурачащиеся бездельники. А в основном репы пристают к нашим платьям, когда мы сами прокладываем себе дорогу.

РОЗАЛИНДА. Платье можно почистить, но эти шипы застряли в моем сердце.

СЕЛИЯ. Попробуй, может, они выйдут с кашлем.

РОЗАЛИНДА. Я бы не прочь, если бы звуки кашля могли зазвать его сюда.

СЕЛИЯ. Нет, ты должна побороть свои желания.

РОЗАЛИНДА. Увы, на их стороне лучший из борцов.

СЕЛИЯ. Не падай духом. А если уж борешься, помни: борьба чревата падениями. Но шутки шутками, а если не шутя: можно ли ни с того ни с сего до умопомрачения влюбиться в младшего сына старого де Бора?

РОЗАЛИНДА. Но мой отец, бывший герцог, был без ума от его отца.

СЕЛИЯ. И поэтому ты должна сходиться с ума от его сына? Исходя из этого, я должна его невзлюбить, поскольку мой отец до безумия не любил его отца.

РОЗАЛИНДА. Не шути так. Ты не должна его не любить, хотя бы ради меня.

СЕЛИЯ. А за что мне его, собственно говоря, не любить? Разве он не заслуживает любви?

РОЗАЛИНДА. За заслуги я его и полюбила, а ты полюби его за то, что он заслужил мою любовь. Смотри, сюда идет твой отец.

СЕЛИЯ. Как он сурово смотрит, посмотри!

Входят ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК со СВИТОЙ.

ФРЕДЕРИК. Коль скоро ты в живых остаться хочешь,
Оставь наш двор.

РОЗАЛИНДА. Вы это, дядя, мне?!

ФРЕДЕРИК. Тебе, племянница, и ты умрешь,
Когда за пару дней не удалишься
На двадцать миль от нашего дворца.

РОЗАЛИНДА. Но будьте милосердны, государь.
Прошу мне объяснить, в чем я грешна.
Когда сама себя я понимаю,
Не сплю и вроде не сошла с ума, —
Во мне и мысли даже не рождалось,
Чтоб вам, любезный дядя, ваша светлость,
Какую-то обиду нанести.

ФРЕДЕРИК. Предатели всегда так говорят,
И ежели изменника послушать, —
Покажется, святой заговорил.

РОЗАЛИНДА. Вы мне не доверяете, но это
Не делает изменницей меня.
В чем доказательство моей вины?

ФРЕДЕРИК. В том, что ты дочка своего отца.

РОЗАЛИНДА. Я дочь того, чей титул вы забрали,
Я дочь того, кого изгнали вы.
Но дети не наследуют измен.
А если б мы за близких отвечали,
Я ни при чем: отец мой не изменник.
Не делайте ошибки, ваша светлость,
Напрасно не вините сироту.

СЕЛИЯ. Отец, позвольте...

ФРЕДЕРИК. Селия, молчи!
Ее терпел я здесь из-за тебя,
Не то б она отца сопровождала.

СЕЛИЯ. Не я вас умолила разрешить
Остаться ей со мною при дворе:
Вы были так мудры и так добры.
Я в детстве не совсем сестру ценила,
Хотя мы с нею были неразлучны,
Не расставались даже по ночам.
Теперь же... коль изменница она,
То и меня изменницей зовите.

Как лебеди в упряжке у Юноны,
Мы неразрывно связаны с сестрой.
ФРЕДЕРИК. Но ведь она коварна! Тихой сапой
В доверье к людям вкралась Розалинда:
Все бедную жалеют сироту.
Она тебя обкрадывает этим.
Не возражай, дуреха, без нее
Заблещешь добродетелями ты.
Своих вердиктов я не отменяю:
Пока я герцог, ей не место здесь.
СЕЛИЯ. Пусть ваш вердикт коснется и меня:
Мне без нее не жить.
ФРЕДЕРИК. Ты просто дура!
А ты, племянница, поторопись.
Клянусь тебе: удержишься — умрешь.
Я в слове тверд.

(ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК и СВИТА уходят.)

СЕЛИЯ. Бедняжка Розалинда!
И что теперь нам делать? Может быть,
Нам следует отцами поменаться?
Пожалуйста, не плачь — ведь я не плачу.
РОЗАЛИНДА. Есть повод плакать только у меня.
СЕЛИЯ. Ничуть, сестра. Есть повод улыбнуться.
Неужто ты не поняла, что герцог
И дочь свою прогнал.
РОЗАЛИНДА. Не поняла...
СЕЛИЯ. Выходит, ты меня совсем не любишь.
А если бы любила, — ты бы знала,
Что мы с тобою слиты воедино.
Кто разорвет нас? Что нас разлучит?
Отцу я не наследница отныне.
Да разве я смогла бы отпустить
Тебя с твоей тоской наедине?
Клянусь судьбою, вынудившей нас
Бледнеть от горя, я тебя не брошу.
Ты можешь что угодно говорить,
Но я, представь себе, уже решила,
Куда и как бежать и что нам взять.

РОЗАЛИНДА. Ну, и куда?

СЕЛИЯ. В Арденнский лес, конечно!

Поищем дядю, твоего отца.

РОЗАЛИНДА. Пускаться в путешествие такое

Нельзя девицам. Падки негодяи
Не так на деньги, как на красоту.

СЕЛИЯ. Одеться надо, как простолюдинки,
А лица умброй загримировать.
На нас тогда никто и не посмотрит.
И побредем себе.

РОЗАЛИНДА. А может, лучше
В мужской одежде мне пуститься путь?
Ведь выше я, чем средняя из женщин.
Кинжал в руке, дубинка на плече —
И буду я, по-женски трепеща,
На доблестного мужа походить.
Так зачастую трус мужеподобный
Геройствует, испытывая страх.

СЕЛИЯ. Как назовешься, будучи женщиной?

РОЗАЛИНДА. Как мальчуган, украденный Кронидам:
Ведь я ничем не хуже Ганимеда.
И ты б сменила прозвище свое.

СЕЛИЯ. Сироттой я, наверно, назовусь,
Как и пристало изгнанной отцом.

РОЗАЛИНДА. А если б ты придворного шута
Уговорила с герцогом расстаться,
Нам было б с ним в дороге веселей.

СЕЛИЯ. Шута и уговаривать не надо:
Меня не бросит этот острослов.
Давай-ка деньги наши сосчитаем,
Обсудим час, когда верней бежать,
И как, сбежав, погоню обмануть.
Пойдем же. Добровольное изгнание —
Для нас свобода, а не наказание.

(Уходят.)

АКТ ВТОРОЙ

Сцена первая

Арденнский лес.

*Входят СТАРЫЙ ГЕРЦОГ, АМЬЕН и ДВОРЯНЕ
в охотничьих костюмах.*

ГЕРЦОГ. Друзья мои, собратья по несчастью,
Войдя во вкус, мы зажили в лесу
Счастливее, чем прежде, во дворце.
Жить в роскоши опасней, чем в глуши,
Где лишь природа вымещает зло
На нас за первородный грех Адама.
Пускай клыки холодные свои
Вонзает в тело ветер и мороз,
Пускай терзает вьюга и пурга,
Я, из последних сил смеясь, шепчу:
«Вы не льстецы. Со свитою такою
Измены никакие не страшны».
Мы счастье и в несчастье обретаем,
Как драгоценный камень в голове
У жабы, ядовитой и поганой.
Вдали от света внятны стали нам
И лепет лип, и речи ручейков,
И говор гор, и смысл существованья.
Я жить иначе больше не хочу.

АМЬЕН. Блаженна ваша светлость, если может
Так истолковывать удар судьбы, —
С таким изяществом и благородством.

ГЕРЦОГ. Аминь. А не убить ли нам оленя?
Хотя, когда в бока пятнистых дурней
Впивается двужалая стрела
И кровь течет из подданных лесных,
Я чувствую убийцею себя.

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. Да, ваша светлость, это удручает
И Жака, меланхолии слугу.
Ваш брат, который свергнул с трона вас,
По мнению Жака, менее виновен,
Чем вы, себе присвоив этот лес.
Сегодня мы с Амьеном наблюдали
За этим чудачком: под старым дубом,
Чьи корни ручеек лесной размыл,

Жак возлежал. Туда приковылял
Олень, изнемогающий от раны.
Лес оглашал он стонами такими,
Так тяжело бока его вздымались,
Растягивая бархатную шкуру,
Что нам казалось, лопнуть может он.
Текли большие слезы по щекам
Рогатого лесного бедолаги.
Так жалкий гладкошерстный дуралей
Пред Жаком, меланхолии добычей,
Склонился, умирая, над водой
И заливал ручей ручьями слез.

ГЕРЦОГ. Едва ли Жак при виде этой сцены
Морали надлежащей не извлек.

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. О! В тысячах сравнений. Для начала
Он бедному оленю попенял:
«Как золото дарить ростовщику,
Так и ручей водою увлажнять».
Потом насчет панбархатных друзей,
Покинувших в несчастии оленя,
Прошелся Жак: «Увы! Когда мы в горе,
Куда они деваются, — друзья?»
А тут они возьми и проскачи,
Лоснящимися шкурами сверкая.
На это Жак, вздыхая, произнес:
«Бегите, вы, заплывшие от жира.
Такие уж настали времена.
Какое дело вам до бедолаги,
Который обездолен и убит?»
И тут он гневной речью разразился,
Хуля весь мир, лачуги и дворцы
И нас и вас. Мы, он божился, хуже,
Чем узурпаторы и палачи,
Когда животных из родного дома
Мы изгоняем или губим их.

ГЕРЦОГ. Вы уходили — он все говорил?

ВТОРОЙ ДВОРЯНИН. Да, государь, о плачущем олене
Он говорил и плакал вместе с ним.

ГЕРЦОГ. И где же он? С ним спорить интересно,
Когда он в меланхолии своей:
Тогда он полон всяческих идей.

ВТОРОЙ ДВОРЯНИН. Могу я вам помочь его найти.

(Уходят.)

Сцена вторая

Покои во дворце.

Входят ГЕРЦОГ ФРЕДЕРИК, ДВОРЯНЕ и СВИТА.

ФРЕДЕРИК. Что вы сказали? Их никто не видел?

Неправда. Не удался бы побег

Без ведома придворных интриганов.

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. Последними могли принцессу видеть

Лишь дамы, ей стелившие постель.

Они и донесли, что поутру

Не оказалось в спальне госпожи.

ВТОРОЙ ДВОРЯНИН. Нет и шута презренного, который

Вас, ваша светлость, часто веселил.

Когда мы допросили камеристку,

Гесперию, она нам показала,

Что славили двоюродные сестры

Достоинства и доблесть силача,

Что Карла на лопатки положил.

Куда бы ни отправились беглянки,

Она божится, юноша при них.

ФРЕДЕРИК. Пусть старший братец младшего найдет.

Откажется — сюда его тащите.

Я сам поговорю с ним. Выполняйте.

Допрашивайте всех подряд, найдите

Во что бы то ни стало этих дур!

(Уходят.)

Сцена третья

Перед домом Оливера.

Входят ОРЛАНДО и АДАМ.

ОРЛАНДО. Ты что, Адам?

АДАМ.

Вы здесь, мой господин?

Мой славный, мой достойный господин?

Зачем вы здесь, второй Ролан де Бор?

Зачем за доблесть люди любят вас?
Зачем вы благородны и храбры?
Зачем вы перед герцогом капризным
Атлета обеславили его?
Вам не нужна была такая слава:
Вы, господин мой, из таких людей,
Которым их достоинства вредят.
Вас предали, прикинувшись святыми,
Все ваши совершенства, господин.
Будь проклят мир, в котором совершенства
Владельцам их способны навредить!

ОРЛАНДО. Ты что, рехнулся?

АДАМ. Юный неудачник!

Не приближайтесь к месту, где живет
Ваш враг, во всем завидующий вам,
Ваш брат... нет, он не брат... но все же сын...
Нет, и не сын... Язык не повернется
Сказать, что сын он своего отца.
О вас он слышал и сегодня хочет,
Когда уснете, дом ваш подпалить.
Он твердо вас настроен погубить:
Не спалит — так зарубит топором.
Он думал вслух об этом, я подслушал.
Бегите! Здесь не дом, а скотобойня,
Здесь смерть живет, не вздумайте входить!

ОРЛАНДО. Куда же мне, Адам, теперь податься?

АДАМ. Куда угодно, только не сюда.

ОРЛАНДО. Ты предлагаешь мне пойти с сумой?

Иль на большой дороге промышлять
При помощи презренного меча?
Осталось это, больше ничего.
Но нет! Умру — на это не пойду!
И пусть кровавый брат меня убьет,
Пусть кровь мою он пьет, братоубийца!

АДАМ. Так не пойдет. Пятьсот монет на службе

У вашего отца я отложил.
Они пошли б в кормильцы старику,
Когда он, одряхлевший и больной,
Был бы, как тряпка, брошен в угол.
Вот золото. Пусть кормит старика
Тот, Кто небесным птицам не дает
Погибнуть без еды. Все эти деньги
В дар от меня примите, господин.

ОРЛАНДО. Славный мой Адам!

АДАМ. Да, господин, пора йдти в бега.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Арденнский лес.

Входят РОЗАЛИНДА в мужском костюме, СЕЛИЯ, одетая пастушкой, и ТОЧИЛЛИ.

РОЗАЛИНДА. О Юпитер! Наше путешествие вытрясло из меня всю душу.

ТОЧИЛЛИ. Охота была думать о душе, когда ноги так и трясутся от усталости.

РОЗАЛИНДА. Кажется, я сейчас обещаю свое мужское одяние, того и гляди, расплачусь, как женщина. Хотя немощный сосуд, спрятанный в этот камзол и эти штаны, обязан более стойко переносить невзгоды по сравнению с более немощным, заключенным в этой юбке. Что ж, приходится поддерживать слабейшего: держись, милая Селия.

СЕЛИЯ. Я совершенно выбилась из сил. Жаль, что тебе приходится возиться со мною.

ТОЧИЛЛИ. Возиться с вами — это еще куда ни шло. Большого сожаления заслуживал бы тот, кому пришлось бы везти вас на своем горбу. Хотя он вряд ли надорвался бы. Убежден, в вашем кошельке нет ни одного герба, чтобы расплатиться с предполагаемым владельцем горба.

РОЗАЛИНДА. Наконец-то мы добрались до Арденнского леса!

ТОЧИЛЛИ. Вы правы, я добрался до Арденнского леса... еще большим дураком: дома я чувствовал себя гораздо лучше в этом отношении. Впрочем, путники должны испытывать восторг во время всего путешествия.

РОЗАЛИНДА. Так уж повелось, милый Точилли... Но тише? Мне слышались голоса мужчин, пожилого и молодого. Кажется, сюда идут.

Входят КОРИНН и СИЛЬВИЙ.

КОРИНН. Поступишь так — она тебя прогонит.

СИЛЬВИЙ. О, знал бы ты, Коринн, как я влюблен!

КОРИНН. Догадываюсь — я и сам влюблялся.

СИЛЬВИЙ. Тебе не догадаться, старику,

Хотя б ты был влюбленнее влюбленных,

Ночами умиравших от любви.

Но если ты любил, как я люблю —

Никто так не любил, но предположим, —

Как много глупостей ты совершил,
Охваченный любовною горячкой?

КОРИНН. Достаточно. Их все и не упомнить.

СИЛЬВИЙ. Тогда не говори, что ты любил!

Раз ты не помнишь, как ничтожный повод,
Сводил тебя, влюбленного, с ума,
Ты не любил, Коринн, ты не любил!
Раз ты с речами о своей любимой,
Как я, не приставал к кому попало,
Ты не любил, ты не любил, Коринн!
Раз ты не покидал, как я, друзей
В разгар веселья, страстью опьяненный,
Коринн, ты не любил, ты не любил! —
О Феба, Феба, Феба, Феба, Феба!

(Уходит.)

РОЗАЛИНДА. Ах, пастушок, стенания твои

Разъели рану сердца моего.

ТОЧИЛЛИ. И моего тоже. Помнится, когда я любил Джен
Смейс, я изломал свой кинжал о камень за то, что он имел наглость
остаться у нее на ночь. Вспоминаю, как я обцеловывал ее подойник
и коровье вымя, которое теребили ее прекрасные, покрытые цып-
ками ручки. А еще я помню, как я в ее присутствии объяснялся в
любви к гороховому стручку. Потом я распотрошил его, подал ей
две горошины и разрыдался. «Храни их в память обо мне», — вот
все, что я смог сказать. Поистине, только мы, влюбленные, совер-
шаем такие глупости. И немудрено: в этом мире ничто не вечно,
поэтому вечновлюбленные — мировые глупцы.

РОЗАЛИНДА. Ты даже не подозреваешь, умник, как разумно
твое последнее замечание.

ТОЧИЛЛИ. Я до тех пор не замечаю своего ума, пока он, зайдя
за разум, не подставит мне ножки.

РОЗАЛИНДА. Юпитер! В столах пастушка

Жила моей любви тоска.

ТОЧИЛЛИ. А также и моей, хотя моя

Не так свежа уж, впрочем, как и я.

СЕЛИЯ. Пожалуйста, не дайте умереть,

Спросите пожилого человека,

Где нам достать еды.

ТОЧИЛЛИ. Эй ты, дурак!

РОЗАЛИНДА. Молчи, придурок! Он тебе не брат!

КОРИНН. Вы кто такие?

ТОЧИЛЛИ. Чище мы, чем ты.
 КОРИНН. Да, мы живем в грязи.
 РОЗАЛИНДА. Молчи, сказал. —
 Дружище, добрый вечер.
 КОРИНН. Вечер добрый
 Вам также, господа.
 РОЗАЛИНДА. Скажи, пастух,
 Найдется ль в этих дебрях тот, кто мог бы
 Нам здесь гостеприимство оказать —
 За золото, не за одно спасибо?
 Мы с девушкой, она идти не может
 И очень голодна.
 КОРИНН. Мне жаль бедняжку!
 И жаль теперь вдвойне, что не могу
 Ей надлежащим образом помочь.
 Я лишь пастух, по милости фортуны.
 Мне жалованье платят лишь за то,
 Чтоб я водил овец, а их стрижет
 Хозяин мой, природный скупердяй,
 Не знающий, что путь на небеса
 Отыщет он лишь на стезе радушья.
 К тому ж он объявил, что продает
 И пастбище и стадо, и уехал.
 Поэтому достойной вас еды
 В овчарне нет. Но милости прошу
 Вас к моему простому шалашу.
 РОЗАЛИНДА. А кто здесь купит пастбище и стадо?
 КОРИНН. Тот пастушок, что говорил со мной.
 Немного вот деньжат подсоберет.
 РОЗАЛИНДА. Дружище, если это не бесчестно
 По отношению к твоему дружку,
 Купи для нас овчарню и овец.
 СЕЛИЯ. Тебя мы не забудем. Здесь прелестно,
 И я не прочь пожить у вас, в глуши.
 КОРИНН. Купить все это может кто угодно.
 Идемте. Если деньги есть у вас
 И если жить вам нравится на воле,
 Во мне найдете верного слугу:
 Я это все для вас купить могу.

(Уходят.)

Сцена пятая

Другая часть леса.

Входят ЖАК, АМЬЕН и ДВОРЯНЕ.

АМЬЕН (*поет*). Кто любит шум листвы
И ложе из травы,
Кто мог бы над ручьем
Петь вместе с соловьем,
Ко мне, сюда, мой брат!
Спешу под сень лесов!
Здесь нет твоих врагов, —
Лишь ветер, дождь и град!

ЖАК. Продолжайте, продолжайте, умоляю вас, пойте дальше!

АМЬЕН. Но это нагонит на вас меланхолию, господин Жак.

ЖАК. Вот и хорошо. Продолжайте петь, умоляю вас. Я упиваюсь меланхолией, высосанной из песни, как ласка содержимым яйца. Прошу вас, пойте!

АМЬЕН. Но у меня нет никакого голоса. Моим пением нельзя наслаждаться.

ЖАК. Мне дела нет до вашего голоса, я не собираюсь наслаждаться вашим пением, я только хочу послушать, как вы поете. Продолжайте свою шансонетку. Ведь это шансонетка, не так ли?

АМЬЕН. Можете называть мою песенку шансонеткой, воля ваша.

ЖАК. Мне все равно, как ее зовут: она мне ничего не задолжала. Споете вы или нет, в конце концов?

АМЬЕН. Спою, спою. Но не для собственного, а для вашего удовольствия.

ЖАК. Наконец-то. Если я отблагодарю кого-нибудь за песню, благодарность моя достанется вам. Знаете, вежливые люди напоминают мне кривляющихся обезьян. Когда некто благодарит меня за что-либо, мне кажется, он выпрашивает у меня милостыню и — в качестве нищего — заранее мне за нее благодарен. А теперь пойте. А вы, если не хотите петь сами, не мешайте другим.

АМЬЕН. Хорошо. Пока я буду заканчивать песню, вы, господа, соберите на стол. Герцог сегодня обедает под этим деревом. Кстати, он весь день не мог вас найти, господин Жак.

ЖАК. Значит, я весь день хорошо прятался от него. Его отношение ко мне чересчур спорно. Голова у меня соображает не хуже, но я молча благодарю за это небеса, а не навязываю никому своих соображений. Ну, пойте, пойте!

ВСЕ ВМЕСТЕ (*поют*). Кому милей простор,

Чем суета и двор.
Кто делит с бедняком
Нажитое трудом,
Ко мне, сюда, мой брат!
Спеши под сень лесов!
Здесь нет твоих врагов, —
Лишь ветер, дождь и град!

ЖАК. А я к этой мелодии вчера присочинил еще один куплет:
графомания одолела, знаете ли...

АМЬЕН. Ну, так спойте.

ЖАК. Пожалуйста. (*Поет.*)

А если спрохвала
Играешь роль осла,
То можешь наконец
Покинуть свой дворец.
Курлы, курлы, курлы!
Под сень густых лесов
Отправиться готов, —
Но и в лесу ослы!

АМЬЕН. А что такое «курлы»?

ЖАК. В Греции на это магическое слово откликались круглые дураки. Ну все, я пошел спать, если бессонница не одолеет. А если одолеет, буду выдумывать египетские казни для первенцев земли египетской.

АМЬЕН. А мне надо найти герцога: пора обедать.

(Расходятся в разные стороны.)

Сцена шестая

Другая часть леса.

Входят ОРЛАНДО и АДАМ.

АДАМ. Ах, мой господин, я так голоден, что еле передвигаю ноги. Не заставляйте полумертвого старика идти дальше, дайте ему спокойно помереть.

ОРЛАНДО. Как же так, Адам? Неужели ты до такой степени слаб в коленках? Не умирай, пожалуйста, переведи дух, приободришься. Если в этой чащобе мне попадется съедобное животное,

то пусть оно пообедает мною, если я не приготовлю из него обеда для тебя. Не умирай в воображении, прежде чем умрешь на самом деле. Соберись с силами и прогони смерть, хотя бы для того, чтобы не огорчать меня. Или уж дождись, пока я приду с охоты. Я скоро вернусь и принесу тебе или еды, или разрешение умереть. Но если ты умрешь без разрешения, я буду считать твой поступок насмешкой над моими стараниями. Здорово сказано, верно? Вот ты и улыбнулся. Дождись меня, хорошо? Только не на открытом месте. Я перенесу тебя туда, где не так дует. Я не дам тебе умереть без обеда, если, конечно, в этом лесу есть из кого его приготовить. Не унывай, милый Адам! (*Уходят.*)

Сцена седьмая

Другая часть леса. Под деревом накрыт стол.

Входят СТАРЫЙ ГЕРЦОГ, АМЬЕН и ДВОРЯНЕ.

ГЕРЦОГ. Он, верно, сам оленем стал, утратив
И образ, и подобье человека?

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН.

Он был здесь, государь. Стоял и слушал,
Как мы поем, и даже нам подпел.

ГЕРЦОГ. Что? Если какофония запела,
Разладится гармония небес.

Ищите Жака, он мне очень нужен.

Входит ЖАК.

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. Он нам пошел навстречу: сам нашелся.

ГЕРЦОГ. И вам не стыдно, сударь? Как же так?

Друзья без вас тоскуют. Вам смешно?

Вам весело?

ЖАК. Я встретил дурака!

В лесу дурак! Отъявленный! Набитый!

В дурацком платье! Жалкая судьба:

Попасть, как я, шуту на язычок!

Дурак валял на солнце дурака

И поносил Фортуна остроумно;

Остро, умно — хотя и невпопад.

«Привет, дурак!» — сказал я. Он ответил:
«Нет, вы не правы — мне ведь не везет!»
Потом достал карманные часы
И, мутновзоро вглядываясь в них,
Заметил мудро: «Десять набежало.
Вот так, сквозь пальцы время и уходит.
Без часа десять было час назад
И десять с часом будет через час.
Мы поминутно зреем, созревая,
И, увядая, вянем в тот же миг.
Вот наша жизнь!» Когда глупец несчастный
Мне лекцию о времени прочел,
То над глубокомыслием глупцов
Смеялся я до колик в животе,
Смеялся до упаду битый час!
Он засекал, мой дурень благородный!
Бесценный шут! Возлюбленный дурак!
Ах, как ему идет его колпак!

ГЕРЦОГ. Откуда здесь он взялся, не пойму?

ЖАК. Придворным был мой драгоценный шут.

«Красавицы, — сказал он, — молодые
Мой ум ценили». В голове его,
Засохшей, как несъеденный бисквит,
Немало позабытых изречений
И метких наблюдений, каковые,
Перелопатив, он пускает в свет.
Ах, мне бы с ним местами поменяться!

ГЕРЦОГ. Нарядом — тоже?

ЖАК. Да! Но обещайте

Своих суждений грядку прополоть;
Из них одно, — о том, что я умен,
Разросшееся буйно, — истребить.
Я привилегий ветра добиваюсь:
Свободно дуть куда ни захочу.
Кто будет ранен глупостью моей,
Пусть рассмеется — что взять с дурака!
Зачем смеяться? Это так же ясно,
Как в церкви петь священные псалмы.
Ведь человек, которого кольнет
Дурак остротой, будет в дураках,
Не проявив бесчувственность к насмешкам.
Так обнажают глупость мудрецов
Намеками небрежными глупцы.
Давайте мне дурацкий плащ и право

Болтать о чем угодно, — я берусь
Очистить этот прокаженный мир,
Когда он стал бы у меня лечиться.

ГЕРЦОГ. Я знаю, чем был кончилось лечение.

ЖАК. Чем — на пари, — как не выздоровленьем?

ГЕРЦОГ. Клеймить порок — вот худший из пороков

Того, кто сам развратничал когда-то,
Своей животной похоти служа.

Тебя твоя свобода наградила
Лишь опухольями и гнойниками.
Ты б ими заразил наш бранный мир.

ЖАК. Ужель, грома гордыню вообще,
На личности упреки переносят?

Иль не кипит она, как море в шторм,
Пока не утомится в клекотанье?

Кого из женщин городских заденешь
Словами, что иные горожанки

Нарядов королевских недостойны?

В кругу своих соседок, кто из женщин
Подумает такое о себе?

Ответит ли беднейший из людей

На твой вопрос, где взял он свой наряд,

Что выклянчил? Скорей всего, солжет

И тем откроет собственную глупость, —

И волен ты высмеивать ее.

Но разве этим ты его унизишь?

Он ложью унижает сам себя.

Скажи он правду, шуточек твоих,

Как уток перелетных, никому

Присвоить не удастся. — К нам идут.

Входит ОРЛАНДО с мечом в руке.

ОРЛАНДО. Не ешьте больше!

ЖАК. Мы еще не ели.

ОРЛАНДО. Не ешьте вовсе, дайте есть нужде.

ЖАК. Откуда взялся этот петушок?

ГЕРЦОГ. Скажи нам, ты от горя обнаглел

Иль отродясь на вежливость плюешь

И правил никаких не соблюдаешь?

ОРЛАНДО. Вы правы, сэр. Горчайшая нужда

Ожесточила сердце мне настолько,

Что я теперь невежею кажусь,

Хотя я знаю правила приличья,

~ 424 ~

ГЕРЦОГ. Есть люди несчастливее, чем мы.

И не сравнить трагическую пьесу,
Что ставится в театре мировом,
С той буколическою пасторалью,
Которую разыгрываем мы.

ЖАК. Весь мир — подмостки, наша жизнь — спектакль,

А мы — обыкновенные актеры:
Выходим и уходим, отыграв
Свои семь актов, перевоплощаясь
По ходу пьесы. Первый акт: дитя
Агукает и пачкает пеленки.
Потом розовощекий мальчуган,
Сопливый лодырь шагом черепашьим
Идет, портфель свой в школу волоча.
Потом любовник глазкам посвящает,
Пылая жаром, жалкие стишки.
Потом солдат: гривастый, точно лев,
Безбожник, выпивоха, скандалист,
Лакей фортуны, пушечное мясо.
Вновь перевоплощение: судья
С холеной бородой, законник строгий,
Пузатый рвач, набитый каплунами
И книжною премудростью сухой.
Еще метаморфоза: тощий скряга
В домашних туфлях, в ношеном халате,
В очках по близорукости, в штанах,
Когда-то облежавших, а теперь
Висящих мешковато; бас мужской
Сменяется надтреснутым сипеньем.
Но хроника чудесных превращений
Идет к концу. В последней сцене пьесы:
Склеротик, впавший в детство; ни зубов,
Ни зрения, ни слуха, ни-че-го.

Возвращается ОРЛАНДО, несущий на руках АДАМА.

ГЕРЦОГ. Добро пожаловать. Садитесь вместе

С почтенной вашей ношей за стол.

ОРЛАНДО. Не столько за себя, как за него

Благодарю вас.

АДАМ. Да, мой господин,

Я сам благодарить еще не в силах.

ГЕРЦОГ. Не стоит благодарности. К столу.

Я буду нем, пока вы голодны. —
Не слышу музыки. Дружище, спойте.
АМЬЕН (*поет*). Мети, мети, снежок!
Ты менее жесток
Неблагодарных глаз.
Шутить ты не привык,
Но таешь в тот же миг,
Когда ужалишь нас.
Хей-го! Пой хей-го! Под сенью ветвей
Ни глупой любви, ни продажных друзей!
Хей-го! Под сенью ветвей
Рады мы жизни своей!

Крепчай, крепчай, мороз!
Страшней твоих угроз
Завидующий взор.
Ты студил лоно вод,
Но холодней, чем лед,
Коварство и раздор.
Хей-го! Пой хей-го! Под сенью ветвей
Ни глупой любви, ни продажных друзей!
Хей-го! Под сенью ветвей
Рады мы жизни своей.

ГЕРЦОГ. И если верить я могу глазам,
И предо мною младший сын Ролана,
Как мимоходом мне шепнули вы —
Его портрет, отчетливый и точный, —
Я очень рад вам. При моем дворе
Его любили. О судьбе своей
Расскажете потом, в моей пещере.
Старик, ты тоже у меня в гостях.
Идти не может он, займитесь им.
А мы, мой друг, в пути поговорим.

(Уходят.)

Пресветлый лик охотницы твоей.
О, Розалинда! Врезаны в кору
Моей души влюбленной письма.
Прочтут на каждом дереве в бору,
Как ты чиста, прекрасна и скромна.
Стальным стилем я выражу в лесу
Твою невыразимую красу.

(Уходит.)

Входят КОРИНН и ТОЧИЛЛИ.

КОРИНН. Ну, господин Точилли, нравится ли вам жить в деревне?

ТОЧИЛЛИ. Видишь ли, пастух, вообще-то жить в деревне мне очень нравится, но жить деревенской жизнью — значит, по-моему, вообще не жить. Жизнь вдали от городской суеты совершенна, но жить в такой глуши совершенно неинтересно. Жить здесь полезно для здоровья, но пользоваться жизнью здесь просто невозможно. Да, жизнь без излишеств мне по душе, но жизнь, лишенная разнообразия, грозит мне несварением желудка. Это философия, пастух. Как ты к ней относишься?

КОРИНН. Никак. Зато я твердо знаю: если человек часто болеет, здоровье у него неважное. А если он испытывает нужду в деньгах, еде и одежде, то ему недостает трех преданных друзей. А если попадешь под дождь, промокнуешь, а в огонь — сгоришь. А у хорошего пастуха жирные овцы. А ночью на небе нет солнца, и поэтому темно. А если кто и неумен и неучен, то он либо дурак от природы, либо рожден от дураков-родителей.

ТОЧИЛЛИ. Да ты от природы философ, пастух. Но бывал ли ты при дворе?

КОРИНН. Где уж нам.

ТОЧИЛЛИ. Ох и поджарят тебя в аду за это.

КОРИНН. Это еще почему?

ТОЧИЛЛИ. А потому. Философ, который не был при дворе, в аду уподобится яйцу, пропеченному наполовину, то есть тебя, пастух, поджарят с одного бока.

КОРИНН. Неправда, за это не поджаривают.

ТОЧИЛЛИ. А тебя поджарят. Если ты не был при дворе, то ты и понятия не имеешь о вежливости. Стало быть, ты — невежа. А невежество — тяжкий грех. За это тебя, грешника, и поджарят. Короче говоря, молись, пастух.

КОРИНН. Чуть это все, господин Точилли. В деревне над веж-

ливостью придворного будут точно так же зубоскалить, как будут смеяться при дворе деревенскому невежеству. Сами же говорили, что придворным не кланяются, а руки целуют. Но вежливость по отношению к придворному превратится в нечистоплотность, если применить ее к пастуху.

ТОЧИЛЛИ. Поясни мне это на примере.

КОРИНН. Пожалуйста. Мы, пастухи, все время с овцами возимся, и руки у нас вечно жирные от их шкур.

ТОЧИЛЛИ. По-твоему, руки у придворных не потеют? Какая, скажи на милость, разница между овечьим жиром и человеческим потом? Пример неудачный, очень неудачный. Попробуй еще разок.

КОРИНН. Кожа у нас на руках грубая.

ТОЧИЛЛИ. Но губы об нее все равно не поранить. Снова мимо. Напрягись, пастух.

КОРИНН. А деготь у нас на руках? Мы им овец лечим. Прикажете деготь целовать, что ли? У придворных-то ручки небось мускусом пахнут.

ТОЧИЛЛИ. Дурачина ты простофиля! Ты просто падашь по сравнению с той же овцой. Слушай меня и мотай на ус. Деготь более благородного происхождения, нежели мускус, сырье для которого добывают из кошачьих желез. Ты меня не убедил, пастух, продолжай.

КОРИНН. Где уж мне убедить придворного философа. Я с вами во всем согласен.

ТОЧИЛЛИ. То есть ты согласен угодить на сковородку? Господи, смилуйся над этим кретином! Излечи его, Господи, от идиотизма!

КОРИНН. Что вы привязались к честному человеку, сэр? Я кормлюсь своим трудом, сам себя обуваю и одеваю, ни с кем не вражду, радуюсь успехам ближнего и никому не жалуюсь на неприятности. А когда у меня и овцы сыты, и ягнята здоровы, я просто счастлив.

ТОЧИЛЛИ. Ах ты дурень! Ведь это же великий грех — заниматься случкой баранов и овец. А ты зарабатываешь на жизнь, спаривая скотину. Да ты просто старый сводник: отдавать годовалую ярочку крутолобому самцу-рогоносцу да еще без брачного контракта! Если тебя за это не поджарят, то сам дьявол за пастухов. Словом, не представляю, как ты избежешь сковородки.

КОРИНН. Смотрите, вон мой новый господин Ганимед, брат молодой госпожи.

Входит РОЗАЛИНДА, читая бумагу.

РОЗАЛИНДА. «Всех богатств в долине Инда

Мне дороже Розалинда.

От Рифея и до Пинда

Всех прекрасней Розалинда.

Ровен ствол у тамаринда,

Но стройнее Розалинда.

Краше Розы, чище Линды

Светлый образ Розалинды...».

ТОЧИЛЛИ. Лично я могу извлекать из себя такие рифмы
восемь лет кряду с учетом времени на еду и сон. Именно в таком
ритме позвякивают пустые бидоны у молочницы, едущей с рынка.

РОЗАЛИНДА. Отстань, дурак!

ТОЧИЛЛИ. Не угодно ли убедиться?

И по-русски, и на хинди

Все поют о Розалинде.

Бросит Розу, кинет Линду,

Кто увидит Розалинду.

Взор ее сияет, инда

Всех затмила Розалинда.

Я большой имею чин, да

Лучше чина Розалинда.

Сам себе я господин, да

Мной владеет Розалинда.

Так люблю ее, что вынь да

И положи мне Розалинду.

Это же суший галопад двустийший. Берегитесь, эти аллюроторе-
ния заражны.

РОЗАЛИНДА. Молчи, дурак! Я нашла эти стихи на дереве.

ТОЧИЛЛИ. Зря вы сорвали с него такие незрелые плоды.

РОЗАЛИНДА. Если привить к нему тебя, выскочка, вместе с
мушмулой, то плодами с этого дерева мы будем лакомиться раньше
всех. Ты — в качестве плода — сгниешь недозрелым, благодаря
чему мушмула обретает истинный вкус.

ТОЧИЛЛИ. Как вам будет угодно. Но говорить в лесу такие
слова? Что он о вас подумает?

Входит СЕЛИЯ, читая бумагу.

РОЗАЛИНДА. Молчи! Сестра читает. Не мешай!

СЕЛИЯ. Тишина. Безлюден бор,

Но идет среди ветвей

Стихотворный разговор

Языком любви мой, —

Что мгновенно человек
Пробегают жизни круг;
Что за час промчится век,
Если друга бросит друг.

Но о чем в лесной глуши
Речь ни шла бы между крон,
Каждый звук моей души
Розалинде посвящен.

И поймет любой, кто в лес
Ни придет, что слиты в ней
Благостынею небес
Совершенства прежних дней.

Все, чем девушек других
Одарило небо врозь,
По веленью сил благих
В Розалинде собралось.

Лик Елены был ей дан,
Клеопатры гордый вид,
Атланты стройный стан,
Честь Лукреции и стыд.

Взять повелел совет божеств
У той — лицо, у этой — стать,
Чтоб совершенством совершенств
Могла бы Розалинда стать.

Ее удел быть вечным образцом,
А мой — навеки быть ее рабом.

РОЗАЛИНДА. О милосерднейший из пастырей! Немилосердно с вашей стороны нагонять скуку на вашу паству такой нудной любовной проповедью и не сказать перед нею: «Запаситесь терпением, друзья мои».

СЕЛИЯ. Вы еще не ушли, друзья мои? Пастух, забирай своего друга и иди с ним куда-нибудь.

ТОЧИЛЛИ. Придется, пастух, с честью отступить. Пусть без воев и подвод, зато с сумкой и подсумком.

(КОРИНН и ТОЧИЛЛИ уходят.)

СЕЛИЯ. Как тебе стихи?

РОЗАЛИНДА. Так себе, сестрица, тем более что в последних строчках стоп несколько больше, чем в предыдущих.

СЕЛИЯ. На них и опираются эти стихи.

РОЗАЛИНДА. Видишь ли, хромым стихам не помогут никакие подпорки. Мало того, лишние стопы, не находя опоры в хромых стихах, только усиливают их хромоту.

СЕЛИЯ. Ну, конечно, чуть ли не все деревья в лесу испещрены нашим именем, а нас это не касается.

РОЗАЛИНДА. Нет, я не могу оставаться равнодушной к этому стихийному бедствию. Уже дней девять мне попадают стихи, вроде тех, какие я нашла на пальме. Посмотри. Пожалуй, со времен Пифагора мне не ставили стихотворных силков. Хотя я не могу утверждать это наверное, поскольку была в то время ирландской крысой.

СЕЛИЯ. Тебе известно, кто поэт?

РОЗАЛИНДА. Наверное, мужчина, как и все поэты.

СЕЛИЯ. Как ты догадалась? И у него на шее твоя золотая цепь. Ты покраснела, покраснела!

РОЗАЛИНДА. Да кто же он, скажи на милость?

СЕЛИЯ. Господи Боже мой! Гора сходится с горою благодаря землетрясению, тогда как человеку встретиться с человеком нет никакой возможности.

РОЗАЛИНДА. Но кто же он, кто?

СЕЛИЯ. Ты это серьезно?

РОЗАЛИНДА. Селия, помилосердствуй! Я ведь не отстану, пока ты мне его не назовешь.

СЕЛИЯ. Странно это все, очень странно, донельзя странно и даже более чем странно! Особенно после всех моих намеков.

РОЗАЛИНДА. Еще бы мне не покраснеть! По-твоему, если я вырядилась мужчиной, то и сущность моя рассказывает в камзоле и штанах? Миг ожидания для меня по-прежнему подобен времени, за которое можно совершить не одно кругосветное путешествие. Говори, умоляю тебя! И как можно скорей. Ах, если бы ты была заикой, имя таинственного незнакомца выплеснулось бы из тебя, как вино из бутылки с шипучкой: или все, или ничего. Молю тебя, откупорь свои уста, напои жаждущую своей вестью.

СЕЛИЯ. Не если ты выпьешь мою весть до дна, то рискуешь подавиться мужчиной.

РОЗАЛИНДА. Всамделишным мужчиной? Мужчиной из плоти и крови? Если да, то кто он? Чем занимается? Носит ли шляпу? С бородою или без?

СЕЛИЯ. С небольшой бородкой.

РОЗАЛИНДА. Дай ей Бог отрасти, если этот мужчина благочестив. Я подожду, пока у него вырастет большая борода, если ты без проволочек расскажешь, как он выглядит с маленькой.

СЕЛИЯ. Сдаюсь. Это юный Орландо, одолевший в одном бою и силача и твое слабое сердце.

РОЗАЛИНДА. Орландо?

СЕЛИЯ. Орландо.

РОЗАЛИНДА. Вот ведь горе-то! На что мне теперь сдались эти штаны и камзол? Когда ты его видела? Что он делал? Что говорил? Как выглядел? Откуда взялся? Что ему нужно? Он спросил обо мне? Где он сейчас? Где он тебя встретил и когда ты его снова увидишь? Отвечай как можно короче, одним-единственным словом.

СЕЛИЯ. Пожалуйста, если ты мне подаришь рот Гаргантюа: для такого слова — даже одного-единственного — мой чересчур мал: однословный ответ окажется более пространным, чем все Священное Писание.

РОЗАЛИНДА. А он знает, что я тоже здесь, в лесу, и превратилась в мужчину? Он случайно не изменился с тех пор как одержал свою блестящую победу?

СЕЛИЯ. Наверное, песчинок в пустыне меньше, чем вопросов у влюбленных. Я дам тебе всего лишь кусочек моего открытия, и не моя вина, если от этого твой аппетит только разыграется. Орландо, когда я набрела на него, валялся, словно желудь, под дубом.

РОЗАЛИНДА. Если на дубе созревают такие плоды, то это дерево Юпитера, не иначе.

СЕЛИЯ. Прошу не перебивать, милая барышня.

РОЗАЛИНДА. Слушаю и повинуюсь.

СЕЛИЯ. Орландо лежал, вытянувшись во весь рост, словно раненый рыцарь.

РОЗАЛИНДА. Как печально он, должно быть, выглядел, но как ему это, видимо, шло!

СЕЛИЯ. Умоляю, приструни свой язык. Что-то он у тебя слишком разболтался нынче. Твой рыцарь был в охотничьем костюме.

РОЗАЛИНДА. Ох, чуяло беду мое сердце! Недаром он мне его прострелил.

СЕЛИЯ. А нельзя ли без припева? Я не могу петь, когда меня то и дело сбивают с ритма.

РОЗАЛИНДА. Можно подумать, ты не женщина и не знаешь, что мы не в силах держать свои мысли при себе. Говори же, милая Селия!

СЕЛИЯ. Ты мне совсем голову заморочила. Но тише! Не он ли это идет сюда?

РОЗАЛИНДА. Он, он! Давай спрячемся и понаблюдаем.

(СЕЛИЯ и РОЗАЛИНДА прячутся.)

Входят ЖАК и ОРЛАНДО.

ЖАК. Спасибо за беседу, но, поверьте, мне куда интереснее беседовать с самим собой.

ОРЛАНДО. Мне тоже. Но позвольте учтивости ради поблагодарить за беседу и вас.

ЖАК. Дай Бог вам всего хорошего. Полагаю, наша следующая встреча состоится нескоро.

ОРЛАНДО. Будет лучше, если она вообще не состоится.

ЖАК. Я только прошу вас не осквернять деревьев столь слабыми любовными стишками.

ОРЛАНДО. А я в свою очередь прошу вас не портить моих стихов столь скверной декламацией.

ЖАК. Ее, стало быть, зовут Розалиндой?

ОРЛАНДО. Вы исключительно догадливы.

ЖАК. Не нравится мне это имя.

ОРЛАНДО. К сожалению, вам не предложили стать ее крестным отцом.

ЖАК. Какого она роста?

ОРЛАНДО. Достаточно высокого, если дотянулась до моего сердца.

ЖАК. Как изысканны ваши ответы! Вы, вероятно, общались с женами ювелиров, изучая вместе с ними надписи на кольцах.

ОРЛАНДО. Ошибаетесь. А вы, судя по вашим вопросам, хорошо вызубрили надписи на обоях.

ЖАК. Какой у вас легкий ум. Полагаю, тут не обошлось без пяток Аталанты. А что если нам присесть и вместе поиздеваться над мировым порядком, терзающим нас моровыми язвами разного рода?

ОРЛАНДО. В этом мире есть только одно живое существо, над которым я могу издеваться, — это я сам: я совершил немало непоправимых ошибок.

ЖАК. И самая главная из них — ваша любовь к Розалинде. Это в самом деле непоправимо.

ОРЛАНДО. Эта моя ошибка стоит всех ваших удач. Вы меня утомили.

ЖАК. Не моя вина, что я в поисках шута набрел на вас.

ОРЛАНДО. А в ручье искать не пробовали? Посмотритесь в него, — может быть, шут утонул в воде.

ЖАК. В ручье я не увижу ничего, кроме своего отражения.

ОРЛАНДО. В котором вы узнаете либо шута, либо шут знает что.

ЖАК. Мне больше не о чем с вами говорить. Прощайте, милейший синьор Любовь.

ОРЛАНДО. Скатертью дорога, милейший господин Меланхолия.

(ЖАК уходит.)

РОЗАЛИНДА (СЕЛИИ). Мне хочется порезвиться. Я надену на себя личину развязного лакея и поговорю с ним. (*Выходит на сцену.*) Эй, как вас там, охотник, идите-ка сюда.

ОРЛАНДО. Пожалуйста. Что вам угодно?

РОЗАЛИНДА. Узнать, который теперь час.

ОРЛАНДО. Вы, наверное, хотите узнать, какое теперь время суток? В лесу часов не наблюдают, их здесь ни у кого нет.

РОЗАЛИНДА. Жаль. Жаль, что в лесу нет ни одного влюбленного, а то бы он своими ежеминутными вздохами и ежесекундными стонами, как заведенные часы, извещал бы лес о ленивой поступи Времени.

ОРЛАНДО. То есть о стремительной поступи Времени? Разве не так?

РОЗАЛИНДА. Не совсем так, сэр. Каждый из нас ощущает поступь Времени по-своему. Одному кажется, что Время идет иноходью; другому, — что оно несется аллюром; для третьего оно летит галопом; по мнению четвертого, Время не движется вовсе.

ОРЛАНДО. А для кого Время несется аллюром?

РОЗАЛИНДА. Для девушки в период между помолвкой и венчанием. В семь предсвадебных дней Время втискивает для нее целых семь лет.

ОРЛАНДО. А для кого Время идет иноходью?

РОЗАЛИНДА. Для неграмотного священника и для пышущего здоровьем богача. Первый не возится с книгами и поэтому спит сном праведника, а у второго ничего не болит, и он веселится напропалую. Один не надрывается в погоне за сухими и бесплодными знаниями, а здоровье другого не подорвано иссушающей тяжестью нужды. Для них Время идет шагом.

ОРЛАНДО. Так. А для кого оно летит галопом?

РОЗАЛИНДА. Для вора, которого ведут вешать. Как ни оттягивает он время казни, оно приближается к нему семимильными шагами.

ОРЛАНДО. А для кого Время не движется вовсе?

РОЗАЛИНДА. Для адвоката в отпуске. Он живет только во время судебной сессии, а до и после нее спит без просыпу и ему не до Времени.

ОРЛАНДО. А где живет столь ученый юноша?

РОЗАЛИНДА. Моя хижина находится на опушке леса, как узор на подоле юбки. А эта пастушка — моя сестра.

ОРЛАНДО. Вы и родились в этих местах?

РОЗАЛИНДА. Да, как кролик, живущий в месте своего рождения.

ОРЛАНДО. Вы слишком красноречивы для пастуха; это качество нельзя приобрести в деревне.

РОЗАЛИНДА. Не вы первый заметили это. Я нахватался учтивых речей от моего престарелого и набожного дядюшки, а он — от женщин, которых любил в молодости, когда жил в столице. Слава Богу, я не женщина, а то он мне прочел столько лекций на тему о вреде любви, что, будь я женщиной, мне было бы не по себе от чудовищных обвинений, предъявляемых им всему женскому сословию.

ОРЛАНДО. А не говорили ли он вам, который из женских грехов наихудший?

РОЗАЛИНДА. Среди них трудно было выделить наихудший. Они были похожи друг на друга, как полупенсовые монетки. Не успевал я прийти в ужас от одного греха, как приходилось ужасаться другому.

ОРЛАНДО. Не могли бы вы назвать хотя бы один из них?

РОЗАЛИНДА. Нет, вам мой бальзам ни к чему. Другое дело, если бы вы оказались тем тяжелобольным, который калечит молодые деревья. Этот малый настолько боготворит свою Розалинду, что вырезает ее имя на коре, увешивает ветки боярышника одами, а ветки терновника — элегиями. Этому горе-вдыхателю я бы помог: у него, насколько я могу судить, рецидив любовного помешательства.

ОРЛАНДО. Помогите мне, прошу вас. Ведь именно меня трясет эта падающая любви.

РОЗАЛИНДА. Я вам не верю. У вас нет ни одного симптома болезни, о которой я знаю со слов дяди. Он научил меня ставить диагноз влюбленным, а вы, убежден, не являетесь постоянльцем этого сумасшедшего дома.

ОРЛАНДО. А может, вы осмотрите меня как следует?

РОЗАЛИНДА. Попробую. Итак, симптом первый: впалые щеки — этого у вас нет; симптом второй: мешки под глазами — у вас таковых не наблюдается; подавленное настроение — не имеется; спутанная борода — тоже, хотя это простительно, поскольку с этого именина прибыль у вас такая, какая полагается младшему брату. Но где же неподпоясанные штаны, помятая шляпа, расстегнутые манжеты, расшнурованные башмаки, — то есть где ваша неопрятность, присущая лицам, зараженным любовной проказой? Всего этого у вас нет. Более того, ваш наряд весьма тщателен, и я скорей допущу, что вы влюблены в себя и пользуетесь взаимностью, нежели страдаете безответной любовью к кому-нибудь другому.

ОРЛАНДО. Страдаю, милый юноша, еще как страдаю! Жаль, что это выглядит так бездоказательно в ваших глазах.

РОЗАЛИНДА. В моих глазах?! Попались бы вы на глаза своей возлюбленной с такими доказательствами! Впрочем, она, скорей

всего, поверила бы в вашу любовь, хотя вряд ли призналась бы в этом даже себе самой. Женщинам очень приятно обманывать себя на этот счет. Но если не шутя, неужели это вы уродуете деревья стихами, посвященными Розалинде?

ОРЛАНДО. Увы, юноша. Клянусь нежной ручкой Розалинды, это несчастный — перед вами!

РОЗАЛИНДА. Неужели эти стихи выражают всю силу вашей любви?

ОРЛАНДО. Ни стихи, ни разум человеческий не в могут выразить то, что невыразимо.

РОЗАЛИНДА. Но ведь влюбленный — это сумасшедший, и его, как всякого безумца, следует подвергнуть бичеванию и засадить под замок. И если этих идиотов не лечат таким образом, то лишь потому, что любовное безумие сродни эпидемии: оно свирепствует и среди тех, кому следовало бы стать врачами. И только я своими предписаниями исцеляю несчастных больных.

ОРЛАНДО. Неужели вы кого-то уже исцелили?

РОЗАЛИНДА. Одного исцелил. Дело было так. Я заставил его вообразить, что я — его возлюбленная. Он должен был, по моему приказу, ежедневно обхаживать меня. А я, подобно молодой луне, непрерывно менялся. Женщина в моем исполнении была то капризной и жеманной, то желанной и любящей; она представляла то гордой и неприступной, то веселой и легкомысленной; порою она заливалась слезами, порою беспричинно хохотала; иногда она понарошку прикидывалась страстной, то есть поступала как дети, а дети и женщины — это ведь животные одной породы. Она то любила беднягу, то ненавидела; то звала, то прогоняла; то жалела, то высмеивала. В результате этих процедур любовная болезнь моего пациента превратилась в душевную: он вырвался из водоворота обыденности и затаился в монастырской тиши. Мое лечение пошло ему на пользу. Если хотите, я могу заняться и вашим сердцем: очищу ее от любовной копоти, промою и сделаю похожей на сердце здорового осла.

ОРЛАНДО. Нет, юноша, меня исцелить невозможно.

РОЗАЛИНДА. Для меня нет ничего невозможного. Вы только зовите меня Розалиндой и каждый день являйтесь вздыхать под мое окошко.

ОРЛАНДО. Клянусь любовью, приду. А где вы живете?

РОЗАЛИНДА. Идемте, я вам покажу. А вы расскажете, как найти вас.

ОРЛАНДО. Буду рад сделать это, милый юноша.

РОЗАЛИНДА. Нет, я теперь для вас Розалинда, привыкайте. Сестра, идем? (*Уходят.*)

Сцена третья

Другая часть леса.

Входят ТОЧИЛЛИ и ОДРИ. За ними — ЖАК.

ТОЧИЛЛИ. Милая Одри, давай вместе пасти твоих коз. Ну-с, Одри, я тебе по сердцу? Как ты относишься к моему скромному образу?

ОДРИ. Образу? Господи помилуй! Никогда бы не подумала, что вы носите с собой образ.

ТОЧИЛЛИ. С тобою, Одри, я ни дать ни взять влюбленнейший из поэтов — благородный Овидий. Я спокоен среди твоих коз, как и он, не опасаясь козней Августа, был спокоен среди готов.

ЖАК (*в сторону*). О образованность! Как ты оказалась в таком убожестве!

ТОЧИЛЛИ. Когда твоих стихов не слушают, когда твои остро-ты не попадают в цель, — это ужасней, чем для бродяги невозможность заплатить за выпивку в трактире. Почему боги не сделали так, чтобы поэзия была у тебя в чести?

ОДРИ. Постыдились бы. Я вам никакая не поэзия, я девушка честная. А много ли чести в вашей поэзии?

ТОЧИЛЛИ. Как тебе сказать. По-настоящему честная поэзия пропитана ложью. Все влюбленные падки до поэзии, поэтому их поэтические клятвы, сочиненные во имя любви, насквозь лживы.

ОДРИ. А вы смешали мою честь с этой поэзией да еще обращались к богам при этом! Век бы мне не знать вашей поэзии!

ТОЧИЛЛИ. Напрасно ты честишь поэзию. Ты вот клялась своей честью, но если бы в тебе была хоть капля поэзии, я бы смел надеяться, что ты лжешь.

ОДРИ. Разве вам не нравится, что я честная девушка?

ТОЧИЛЛИ. Ничуть. С твоею честностью тебе надо было уродиться некрасивой. А честность в сочетании с красотой — это все равно что мед, сдобренный сахаром.

ЖАК (*в сторону*). Ужасно умно для дурака!

ОДРИ. Но раз уж боги не создали меня красивой, пусть они помогут мне остаться честной.

ТОЧИЛЛИ. Видишь ли, честь, с которой носятся нечистоплотные дурнушки, напоминает мне добрый кусок мяса, поданный на грязном блюде.

ОДРИ. Нет, я, благодарение Богу, хоть и некрасива, зато чистоплотна.

ТОЧИЛЛИ. Если ты благодаришь Бога за некрасоту, — дай срок — будет тебе и нечистоплотность. Но я все равно на тебе же-

нюсь. Я говорил с викарием соседней деревни, сэром Оливером Путансом. Он любезно согласился сочетать нас здесь, в лесу.

ЖАК (*в сторону*). Вот бы взглянуть на это бракосочетание!

ОДРИ. Дай нам Бог жить дружно!

ТОЧИЛЛИ. Аминь. Кто-нибудь другой на моем месте до смерти перепугался бы от подобной затеи. И то сказать, вместо храма лес, вместо свидетелей рогатые животные. Но что нам до чужих рогов? Мужайся, Точилли! От рогов, как это ни гнусно, не убежишь. Недаром говорят: ни один человек не знает всего изобилия, в котором живет. Еще бы! Ни единый не знает, насколько длинны его рога. Но муж тут ни при чем. Рога ему от жены вместо приданого. Рога? Именно. И не только у людей бедных, нет! У благородного оленя рога куда ветвистее, чем у сельского быка. Стало быть, благословенна участь холостяков? Ничуть. Город с каменными стенами настолько же ценнее деревни, насколько лысина рогатого женатика солиднее голого холостяцкого лба. И поскольку уметь держать оборону лучше, чем спасаться бегством, постольку наличие рогов почтеннее их отсутствия. А вот и сэр Оливер.

Входит **ОЛИВЕР ПУТАНС**.

Рад вас видеть, сэр Оливер. Вы совершите обряд под этим деревом или вам необходимо что-то вроде алтаря?

ОЛИВЕР ПУТАНС. А кто вам вручит вашу невесту?

ТОЧИЛЛИ. Никто. Такого подарка я бы не принял ни от кого.

ОЛИВЕР ПУТАНС. Нет, надо все делать по закону: ее должны вам вручить.

ЖАК (*выходя*). Венчайте их. Я сделаю все, что нужно.

ТОЧИЛЛИ. Привет вам, господин Имярек. Вы очень кстати. Как ваше здоровье? Благослови вас Бог за то, что вы в прошлый раз составили мне компанию. Я рад вас видеть. Не стоит снимать шляпу, наденьте ее, пожалуйста.

ЖАК. Зачем ты женишься, шут?

ТОЧИЛЛИ. А зачем быку ярмо, коню седло, а человеку жена? Голуби целуются, а супруги милуются.

ЖАК. Приспичило же такому утонченному человеку, как вы, жениться среди каких-то кустов. Вы же не бродяга. Шли бы вы в церковь, где опытный священник по-настоящему освятит ваш союз. А этот соединит вас так же, как скрепляют обойные доски: если хоть одна из них будет из непросушенного дерева, она со временем рассохнется и в самый неподходящий момент даст трещину: крак!

ТОЧИЛЛИ (*в сторону*). А по мне, лучшего священника и не надо. Он обязательно что-нибудь напутает, и когда мне захочется

бросить жену, я смогу доказать недействительность свадебного обряда.

ЖАК. Послушайся меня, иди в церковь.

ТОЧИЛЛИ. Что ж, милая Одри, идем.

Мы или станем мужем и женой,

Или погрязнем во грехе с тобой.

Всяческих вам благ, милейший сэр Путанс. Или лучше так:

Путанс, как вы добры!

Путанс, как вы мудры!

Сочетайте нас таинством брака.

Или, может быть, так?

Убирайтесь, мой друг.

Мне теперь недосуг.

Мне сегодня уже не до брака.

(ЖАК, ТОЧИЛЛИ и ОДРИ уходят.)

ОЛИВЕР ПУТАНС. Пусть эти молодые шалопаи глумятся над моим саном, пусть! Со своего пути я все-таки не сойду! (*Уходит.*)

Сцена четвертая

Другая часть леса.

Входят РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ.

РОЗАЛИНДА. Не приставай ко мне, я сейчас расплачусь.

СЕЛИЯ. Плачь на здоровье, только не обессудь: мужчины, насколько мне известно, не плачут.

РОЗАЛИНДА. Даже если у них такая же причина для слез, как у меня?

СЕЛИЯ. О такой причине они могут только мечтать. Ну, а ты просто обязана поплакать.

РОЗАЛИНДА. И волосы-то у него, как у Иуды.

СЕЛИЯ. Пожалуй, потемнее. Зато его поцелуи — прямые потомки иудиных.

РОЗАЛИНДА. И все же волосы у него прекрасные.

СЕЛИЯ. Краше некуда: каштановый — всем цветам цвет.

РОЗАЛИНДА. А его поцелуи чисты, как приобщение Святых Таин.

СЕЛИЯ. Сама Диана целовала его в уста. Сестры из зимнего ордена могут только завидовать чистоте его поцелуев: само целование мудрое освежает их.

РОЗАЛИНДА. А почему он нарушил клятву и не пришел?

СЕЛИЯ. Потому что он всегда нарушает свои клятвы.

РОЗАЛИНДА. Ты это серьезно?

СЕЛИЯ. Не настолько, чтобы считать его карманником или конокрадом, однако искренность его любви можно сравнить с опорожненной бутылкой или с вылученным орехом.

РОЗАЛИНДА. По-твоему, он ветрен в любви?

СЕЛИЯ. Если любит, то да, но в нашем случае, кажется, любовь и не пахнет.

РОЗАЛИНДА. Но ты же собственными ушами слышала, как он клялся в любви.

СЕЛИЯ. Вчера слышала, но сегодня пока еще нет. Кроме того, клятвы влюбленного сродни ручательствам торгаша: оба пытаются всучить просроченные векселя. Кстати, он здесь в лесу состоит при герцоге, твоём отце.

РОЗАЛИНДА. Вчера я имела удовольствие встретиться с отцом и ответить на кучу его вопросов. Особенно он интересовался моим происхождением, но я сказала, что в этом отношении мы с ним совершенно равны. Он лукаво посмотрел на меня и удалился. Но к чему ты приплела моего отца, когда у нас есть более существенный предмет для разговора — Орlando?

СЕЛИЯ. О, он поистине прекрасен! Прекрасны его стихи, его речи, его клятвы, которые он беззастенчиво разбивает о сердце своей возлюбленной, — это в нем особенно прекрасно. Он похож на горе-рыцаря, который пытается атаковать противника сбоку, но вылетает из седла с переломанным копьём, напоминая при этом гусака, хотя и благородного. Но разве не прекрасно все, что делает молодость, помноженная на сумасбродство! Но сюда идут.

Входит КОРИНН.

КОРИНН. Вы, господа, все интересовались

Тем по уши влюбленным пастушком,

Который, помните, ходил за мною

И до небес превозносил пастушку,

Жестокую владычицу свою.

СЕЛИЯ. И что с того?

КОРИНН.

Хотите посмотреть

На представление в живых картинах,

Где бледную, но искреннюю страсть

Румяное бесстрашие отвергает?
Пожалуйста, могу вам показать.
РОЗАЛИНДА. Чужая страсть подпитывает пыл
Того, кто от любви лишился сил.
Сочувствуя игре чужих страстей,
Я, может быть, приму участие в ней.

(Уходят.)

Сцена пятая

Другая часть леса.

Входят СИЛЬВИЙ и ФЕБА.

СИЛЬВИЙ. О Феба, не гони меня, о Феба!
Не убивай с небрежностью такой.
Палач, и тот свою жалеет жертву,
Хоть от привычки головы рубить
Окаменело сердце у него.
Иль ты, неумолимее, чем он,
Чья жизнь — кровопролитие сплошное?
ФЕБА. Хорош палач я, нечего сказать,
Раз не могу от жертвы убежать.
Мои глаза, сказал ты, убивают?
Ты очень мил, а главное — правдив.
По-твоему, нежнейшие глаза,
Что прячутся пугливо от пылинки,
Тираны, душегубы, палачи?
Раз так, то я сейчас тебя убью.
Как? Ты не умер? Даже не упал?
Хоть притворился б! И тебе не стыдно?
Не ложь ли, что мои глаза — ножи?
Куда ты ими ранен, покажи.
Вот если б ты иголкой укололся
Или ладонь порезал о тростник,
Заметны были б или след укола,
Или царапина, или порез.
Ну, а мои глаза не мечут стрел:

Ты цел и невредим и можешь снова
 Напрасно их винить Бог знает в чем.
 СИЛЬВИЙ. Когда-нибудь, о Феба дорогая,
 Твоя неискушенная душа
 Узнает, что такое сила страсти.
 Тогда поймешь ты — поздно, к сожаленью! —
 Что от любовных стрел не видно ран.
 ФЕБА. Там видно будет, а до той поры
 Исчезни с глаз. Как та пора настанет,
 Нещадно надо мною издевайся,
 А я тебя сейчас не пощажу.
 РОЗАЛИНДА (*выходя*). Но почему, простите? Кто вы родом,
 Что вы не только мучите его,
 Но радуетесь, пытки изощряя?
 Вы вовсе не красotka, — воля ваша,
 Но если с вами спать, то в темноте.
 Зачем играть бездушную гордячку?
 Что смотрите? Неужто я не прав?
 Вы созданы природою для рынка,
 По трафарету. Черт меня возьми!
 Глядит, как будто хочет обольстить!
 Не обольщайтесь, милая моя.
 Во мне не пробуждает обожанья
 Стеклярус ваших глаз, ни смоль волос,
 Ни творог щечек, ни чернила бровок.
 А ты, пастух, в уме ль? Ходить за нею,
 Как вслед за тучей ветры и дожди?
 Найдутся дураки и без тебя
 Уродов делать. Ты ведь как мужчина
 Красивей, чем как женщина она.
 Ты для нее что зеркало, пастух.
 Глядясь в тебя, она воображает
 Себя неотразимой. Полно, девка!
 Ты небеса должна благодарить
 За то, что хоть один в тебя влюбился.
 И вот тебе мой дружеский совет:
 Пока есть покупатель, не торгуйся.
 Считай за счастье стать его женой:
 Злой страхолюд страшнее, чем незлой!
 Пастушка, полюби его. Прощай.
 ФЕБА. Ах, юноша, ругательство твое
 Милее мне, чем вся его любовь!
 Хоть целый год ругайся надо мной.
 РОЗАЛИНДА (*в сторону*). Он очарован ее уродством, она —

моим злоречием. Отныне, когда она будет угощать его суровыми взглядами, я буду приправлять ее суровость острыми речами. — Что означает твой, пастушка, взгляд?

ФЕБА. Отнюдь не злобу к вам.

РОЗАЛИНДА.

Не вздумай только

В меня влюбиться, горько пожалеешь.

В любви я лживее застольных клятв.

А коль захочешь ты меня найти,

Мой дом среди оливковых деревьев.

Сестра, идем? — Пастух, возмись покруче. —

Идешь, сестра? — Помягче будь, пастушка.

Не зли его. Будь рада, что хоть он

В тебя, и то по глупости, влюблен.

Пора нам в поле, милая сестра.

(РОЗАЛИНДА, СЕЛИЯ и КОРИНН уходят.)

ФЕБА. Пастух умерший прав: «Тот не влюблен,

Кто не был первым взглядом покорен!»

СИЛЬВИЙ. О Феба, ты...

ФЕБА.

Да, Сильвий, что тебе?

СИЛЬВИЙ. О Феба, я страдаю!

ФЕБА.

Милый Сильвий,

Тебе я сострадаю.

СИЛЬВИЙ.

Так утешь!

Ведь если страдаешь ты тому,

Кто, Феба, от любви к тебе страдает,

Ты и сама влюбишь в него, — и вмиг

Страданье растворится в сострадании.

ФЕБА. Но я тебя — как ближнего — люблю.

СИЛЬВИЙ. А как мужчину?

ФЕБА.

Это — себялюбье!

Нет, я тебя уже не ненавижу,

Как раньше, но еще и не люблю.

Ты мило рассуждаешь о любви,

Не скучно мне, как некогда, с тобой

И не докучны мне твои услуги.

Но большего не требуй от меня

И радуйся, что я тебя терплю.

СИЛЬВИЙ. Настолько чист огонь любви моей,

Настолько ты не жалуешь меня,

Что будут для меня обильной жатвой

Жнецом несрезанные колоски.

Лишь согласишься хотя бы мимолетной
Улыбкой жизнь поддерживать во мне.
ФЕБА. А кто был тот невежливый юнец?
СИЛЬВИЙ. Он здесь недавно, я его не знаю,
Но он и приобрел у старика
И пастбище, и стадо, и овчарню.
ФЕБА. Не вздумай ревновать, я просто так.
Мальчишка грубиян, но златоуст.
А что такое грубость, если тот,
Кто нам грубит, приятен нам? А мальчик
Смазлив, не так, чтоб очень, но смазлив.
И, верно, горд. Но гордость не порок.
Вот будет сердцеед! А как глядит!
Словами ранит — взглядом исцеляет:
Не успеваешь рану ощутить.
Будь он повыше... Впрочем, подрастет.
Нога могла быть лучше, но стройна.
А губы — так бы и поцеловала! —
Пунцовы, как и щеки у него:
Отличны те от этих лишь оттенком,
Как алый цвет от розового цвета.
Внимательно мальчишку рассмотрев,
Пред ним бы ни одна не устояла.
Да, Сильвий, но... его я не люблю...
Однако не могу и ненавидеть,
Хоть есть за что... его мне не любить.
Как он посмел глумиться надо мной?
Глаза, сказал, и волосы черны.
Ну да, он оскорблял меня, конечно!
Как я ему смолчала, не пойму?
Жаль, но упущенного не вернуть.
Ему пошлю я колкое письмо,
А ты его снесешь. Согласен, Сильвий?
СИЛЬВИЙ. А как же, Феба!
ФЕБА. В сердце и уме
Мое посланье сложено давно.
Язвительно и коротко оно.
Осталось написать. Идем же, Сильвий.

(Уходят.)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

Сцена первая

Арденнский лес.

Входят РОЗАЛИНДА, СЕЛИЯ и ЖАК.

ЖАК. Я бы хотел, милый юноша, побеседовать с тобой.

РОЗАЛИНДА. Говорят, вы водитесь с меланхолией?

ЖАК. Да, я предпочитаю меланхолию развлечениям.

РОЗАЛИНДА. Большие дозы того или другого в равной степени отвратительны в людях, которые в общественном мнении должны были бы котиrowаться ниже горьких пьяниц.

ЖАК. А разве плохо быть грустным и молчаливым?

РОЗАЛИНДА. Немногим хуже, чем быть простым столбом.

ЖАК. Поймите, я меланхоличен не как непризнанный ученый; и не как погруженный в себя музыкант; и не как надменный придворный; и не как мечтающий о славе солдат; и не как расчетливый дипломат; и не как признанная красавица; и не как безнадежно влюбленный, который меланхоличнее всех вместе взятых. Нет, я меланхоличен по-своему; моя меланхолия много-составна, многопланова и в то же время проста. Она, я бы сказал, является экстрактом моих путевых впечатлений, размышления о которых вызывают у меня разлитие черной желчи и вследствие этого — грусть.

РОЗАЛИНДА. Так вы путешественник! Так бы сразу и сказали. Теперь понятно, отчего вы грустны. Боюсь, вам удалось поглазеть на чужое добро, лишь промотав свое. А разглядывать чужое, не имея за душой своего... Помните пословицу: видит око да зуб неймет?

ЖАК. Зато я познал жизнь.

РОЗАЛИНДА. И от этого загрустили? Я бы предпочел жизнерадостную глупость, чем знающую жизнь безрадостность. Стоило путешествовать ради того, чтобы узнать жизнь, которая вас и знать не пожелала.

Входит ОРЛАНДО.

ОРЛАНДО. Поклон и счастье милой Розалинде!

ЖАК. Опять стихи? Нет, я этого не вынесу! Прощайте. (*Уходит.*)

РОЗАЛИНДА. Прощайте, господин Путешественник! Если вы не пришепечиваете, не одеаетесь по-заграничному, не издеваетесь

над обычаями своего народа, не смеетесь над своими родителями и не вините Господа Бога в своей никчемности, кто вам поверит, что вы были, например, в Венеции и катались в гондоле. — Как, это вы, Орландо? Вы уже здесь? Я не ждала вас так рано! Хорошо влюбленный! Если вы еще раз меня обманете, можете не показываться мне на глаза.

ОРЛАНДО. Милая Розалинда, если я вас и обманул, то всего на час.

РОЗАЛИНДА. На целый час обмануть любовь! Если так называемый влюбленный опоздает на тысячную долю тысячной доли секунды к своей возлюбленной, то я готова держать пари, что Купидон только пощекотал его, а сердца даже не задел.

ОРЛАНДО. Смилуйся, дорогая Розалинда.

РОЗАЛИНДА. Прочь с глаз моих! Раз вы так неторопливы, пусть моим поклонником станет улитка.

ОРЛАНДО. То есть как — улитка?

РОЗАЛИНДА. А вот так! Улитка медленно ползет, потому что тащит на себе собственный дом. Такого свадебного подарка вам нипочем не преподнести вашей избраннице. Ко всему прочему, улитка всегда ползет за своей судьбой.

ОРЛАНДО. За какой судьбой?

РОЗАЛИНДА. За своими рогами. Ведь именно за них вам подобные благодарят своих супругов. А улитка женится, будучи уже рогатой, и не оскорбляет жену подозрением в измене.

ОРЛАНДО. Добродетельные женщины не изменяют, а моя Розалинда — из таких.

РОЗАЛИНДА. Вы говорите обо мне?

СЕЛИЯ. Как ты себя ни тешь, у него есть Розалинда почище тебя.

РОЗАЛИНДА. Вот как! Тогда я меняю гнев на милость. Можете за мной поухаживать, у вас есть все шансы кое-чего добиться. А любопытно, будь я вашей настоящей-пренастоящей Розалиндой, о чем бы вы со мной говорили?

ОРЛАНДО. Я бы поцеловал тебя безо всяких разговоров.

РОЗАЛИНДА. Нет, до этого вам все же пришлось бы долго уговаривать меня, а если бы вы иссякли, можно было бы приступить к поцелуям. Когда хороший оратор запинается, он пьет воду, а когда влюбленный теряется в разговоре с любимой — храни нас Бог от этого! — он прибегает к поцелуям.

ОРЛАНДО. А если он не добьется поцелуя?

РОЗАЛИНДА. Тогда беседа завязывается снова: он снова приступает к уговорам.

ОРЛАНДО. Можно ли так потеряться в разговоре с госпожой своего сердца?

РОЗАЛИНДА. Будь я госпожой вашего сердца, вы бы смогли. Не то пришлось бы признать, что мое целомудрие одержало победу над моим умом.

ОРЛАНДО. Стало быть, если я посвятаюсь к моей Розалинде, я могу перед ней опростоволоситься?

РОЗАЛИНДА. Только в том случае, если у вас что-нибудь расстегнется из одежды. Но, кажется, вы забыли обо мне, а я и есть ваша Розалинда.

ОРЛАНДО. Я рад лишний раз назвать тебя Розалиндой, потому что готов бесконечное количество раз повторять это имя.

РОЗАЛИНДА. Ну, так знайте: на ее месте я бы вам отказала.

ОРЛАНДО. А я бы тогда умер не сходя с этого места.

РОЗАЛИНДА. Не верю. Едва ли умрете без помощи адвоката. За шесть тысяч лет от сотворения мира ни один мужчина не умер на своем месте, то бишь не умер от любви. Троил — и тот, как ни старался, а помер от удара греческой дубинкой по голове. А уж он-то казался идеальным любовником. Жаль, что Геро не успела уйти в монастырь, а то Леандр еще долго наслаждался бы жизнью. Но молодому человеку захотелось окунуться жаркой летней ночью; он нырнул в Геллеспонт, заплыл далеко от берега, потом судороги и — конец. А древние дураки приплели ни с того ни с сего Геро из Сестоса. Выходит, — солгали. Мужчины порою умирают, умерших мужчин поедают черви, но при чем здесь любовь?

ОРЛАНДО. Неужели и моя Розалинда будет рассуждать подобным образом? Какой ужас! Да нахмурь она брови, — одно это свело бы меня в могилу.

РОЗАЛИНДА. Ручаюсь, это не сведет в могилу и мошки. Но хватит об этом. Ваша Розалинда сегодня в духе и готова удовлетворить любое ваше желание.

ОРЛАНДО. Пусть она меня тогда поцелует.

РОЗАЛИНДА. Хорошо. Клянусь целовать вас по пятницам, субботам и во все остальные дни недели, но... только после свадьбы.

ОРЛАНДО. И ты пойдешь за меня?

РОЗАЛИНДА. Хоть двадцать раз подряд.

ОРЛАНДО. Не понял.

РОЗАЛИНДА. Вы хороший человек?

ОРЛАНДО. Смею надеяться.

РОЗАЛИНДА. Вот для того, чтобы получить как можно больше добра, мне и хочется повторить процедуру двадцать раз подряд. — Сестра, придется тебе стать священником и обвенчать нас. — Вашу руку, Орlando. — Ты что, сестра, не согласна?

СЕЛИЯ. Но я не знаю, с чего начать.

РОЗАЛИНДА. Со слов: «Орlando, согласен ли ты...».

СЕЛИЯ. Достаточно. Орlando, согласен ли ты взять в жены девушку по имени Розалинда?

ОРЛАНДО. Согласен.

РОЗАЛИНДА. А когда?

ОРЛАНДО. Немедленно! То есть сразу же после венчания.

РОЗАЛИНДА. Тогда говори: «Розалинда, я беру тебя в жены».

ОРЛАНДО. Розалинда, я беру тебя в жены.

РОЗАЛИНДА. Орlando, я беру тебя в мужья, даже не спросив, есть ли у тебя разрешение на брак. Таким образом, невеста заменила священника. И немудрено: женщины вечно желаемым подменяют действительное.

ОРЛАНДО. Мужчины — тоже, — настолько желанны предметы мужских желаний.

РОЗАЛИНДА. А как долго вы собираетесь жить в любви и согласии с со своей настоящей Розалиндой?

ОРЛАНДО. Целую вечность плюс один день.

РОЗАЛИНДА. Один день — это по-мужски, а вечность оставьте в покое. Увы, Орlando, увy. Мужчина до свадьбы глядит апрелем, а после нее — декабрем. И девушка в девицах — вылитый май, а в замужестве — куда только деваются теплые деньки? Я замучу тебя ревностью, как берберийский голубь свою голубку; я буду криклива, как попугай в пору дождей; непостоянна в желаниях, как мартышка. Я буду кривляться перед зеркалом, как горилла; закатывать истерику из-за ерунды; лить слезы, когда к нам придут гости; и хохотать гиеной, когда ты ляжешь отдохнуть.

ОРЛАНДО. И моя Розалинда будет выделять такое?

РОЗАЛИНДА. Твоя Розалинда будет делать то же, что и я.

ОРЛАНДО. Значит, она дура.

РОЗАЛИНДА. Нисколько. Дура до такого не додумалась бы. Самая умная женщина всегда и самая своенравная. Какие бы преграды ни ставили бы женскому уму, — он все равно проскользнет: не в дверь — так в окно, не в окно — так в замочную скважину, не в скважину — так в дымоход.

ОРЛАНДО. А не начнет ли муж такой высокоумной женщины учить ее уму-разуму?

РОЗАЛИНДА. Вряд ли он займется этим раньше, чем наткнется на свою жену, направляющуюся — от великого ума — прямо в постель соседа.

ОРЛАНДО. А какой ум надо иметь женщине, чтобы с умом выйти из столь щекотливого положения?

РОЗАЛИНДА. Обычный женский. Она скажет мужу, что идет узнать, не сидит ли он у соседа. И муж лишний раз убедится в ее

способности выкручиваться, если только она не лишится дара речи. Женщина, которая в такой ситуации не заставит мужа просить у нее прощения за свою подозрительность, не должна рожать детей, ибо они уродятся дураками.

ОРЛАНДО. Не может ли милая Розалинда два часа побыть без своего Орландо?

РОЗАЛИНДА. Увы, ее возлюбленный хочет, чтобы его любимая за эти два часа умерла от тоски.

ОРЛАНДО. Меня ждет к обеду герцог. Через два часа я снова буду у твоих ног.

РОЗАЛИНДА. Можете идти куда вам угодно и на сколько угодно! Я была уверена, что этим все и кончится. Чуюло беду мое сердце, и подруги мне говорили, но я их не послушалась. Льстивыми словами вскружил мне голову, и вот результат: еще одна девица осталась в дурах. Теперь — хоть в воду! Целых два часа, вы сказали?

ОРЛАНДО. Только два часа, очаровательная Розалинда.

РОЗАЛИНДА. Даю вам честное слово, накажи меня Бог, клянусь истинной верой и другими небогохульными клятвами, что если вы хоть на йоту обманете меня, если вы опять опоздаете, — хоть на секунду, — вы будете в моих глазах самым закоренелым лгуном, самым бесстыдным возлюбленным, самым неподходящим мужем для вашей подлинной Розалинды — из целой орды святотатцев! Сдержите слово, не дайте мне повода обвинить вас.

ОРЛАНДО. Клянусь тебе всеми святыми, что сдержу, — так бы я поклялся и своей Розалинде! До свидания.

РОЗАЛИНДА. Ладно. Доверимся времени. Старик Время беспристрастен в расследовании подобных преступлений. Прощайте.

(ОРЛАНДО уходит.)

СЕЛИЯ. Ты, видно, совсем рехнулась от любви. Болтать болтай, но обливать грязью женщин не смей! Содрать бы с тебя штаны — пусть весь лес полюбуется на птицу, нагадившую в собственное гнездо.

РОЗАЛИНДА. Ах, сестра, сестрица, сестричка, моя милая сестренка, неужели ты не видишь, что я утонула в любви и продолжаю в нее погружаться? Дно моей любви так же не измерено, как дно мирового океана.

СЕЛИЯ. Иными словами, она бездонна: сколько чувства в нее ни вливай, все уходит, как в прорву.

РОЗАЛИНДА. Нет, о глубине моих чувств знает только незаконнорожденный и бессовестный сын Венеры, произведенный на

свет пресыщенным безумцем — воображением, — этот маленький и шkodливый слепец, мешающий людям видеть только за то, что он сам не может смотреть. Повторяю тебе, Селия, без Орlando мне жизнь не мила. А сейчас я заберусь в тень и буду, вздыхая, ждать его возвращения.

СЕЛИЯ. А я пойду спать.

(Уходят.)

Сцена вторая

Другая часть леса.

Входят ЖАК, ДВОРЯНЕ и ОХОТНИКИ.

ЖАК. Кто из вас убил оленя?

ПЕРВЫЙ ДВОРЯНИН. Я, сэр.

ЖАК. Мы нарядим вас римским триумфатором и поведем к герцогу. Вместо венка вам надо бы надеть оленьи рога — в знак вашей доблести. Нет ли какой-нибудь охотничьей песни, прославляющей удачливого стрелка?

ВТОРОЙ ДВОРЯНИН. Есть, сэр.

ЖАК. Так пойте. Можете петь фальшиво, только как можно громче.

ВТОРОЙ ДВОРЯНИН (*поет*). Убил оленя — стал рогат!

Неужто ты тому не рад?

ОХОТНИКИ (*поют*). Рога — не горе, не порок:

В твоём гербе олений рог.

ВТОРОЙ ДВОРЯНИН (*поет*). С рогами прадед был и дед,

И твой отец немало лет.

ОХОТНИКИ (*поют*). Тебе не ставится в упрек,

Что ты отныне не безрог.

(Уходят.)

Сцена третья

Другая часть леса.

Входят РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ.

РОЗАЛИНДА. Как тебе это нравится? Прошло уже два часа с лишним, а Орlando все нет.

СЕЛИЯ. Наверное, он от великой любви так разволновался, что завалился спать в обнимку с луком и стрелами. А это кто?

Входит СИЛЬВИЙ.

СИЛЬВИЙ. Письмо возьмите, юноша прекрасный,
От Фебы, от возлюбленной моей.

(Подает письмо.)

Не знаю, что в нем, но предполагаю,

Что ничего хорошего в нем нет.

Она сидела словно на иголках

И хмурилась, когда его писала.

Прошу прощенья, если что не так.

Я — лишь посол.

РОЗАЛИНДА *(прочитав)*. От этих оскорблений

Терпенье лопнет даже у терпенья!

Простив такое, — с честью распротисть.

Она меня уродом называет,

Развязным и нахальным гордецом.

Мол, если бы не чаще попадались,

Чем птица феникс, юноши девицам, —

Она бы за такого не пошла.

Черт побери! Ведь может показаться,

Что я любви пастушки добиваюсь, —

Как на охоте кролика, травлю.

Да уж не ты ль, пастух, все сочинил?

СИЛЬВИЙ. Клянусь вам, говорю как на духу:

Я ни при чем, письмо писала Феба.

РОЗАЛИНДА. Ври больше. Ты, прости меня, болван,

Свихнувшийся, вдобавок, от любви.

Я видел руки Фебы: у нее

Не кожа, — шкура глиняного цвета.

Сперва я думал, что она в перчатках.

Я, может, ничего не понимаю,

Но руки скотницы, и вдруг — письмо,
Мужское и по мысли и по стилю!
СИЛЬВИЙ. Но это почерк Фебы, а не мой.
РОЗАЛИНДА. А пишет оскорбительно и дерзко,
Как будто нарываясь на драку,
Клянет меня, как турки христиан!
Где женщина чудовищных речей
И брани эфиопской набралась?
Значенье слов чернее, чем чернила.
Тебе прочесть?
СИЛЬВИЙ. Как будет вам угодно.
Не знаю, что написано в письме,
Но я слышал, как Феба оскорбляет.
РОЗАЛИНДА. А я прочел. Ну, Феба, ну, чертовка!

(Читает.)

«Пастух, ты, верно, тот божок,
Что сердце девушки поджег?»
Девушка, а так сквернословит.
СИЛЬВИЙ. По-вашему, это сквернословие?
РОЗАЛИНДА (читает). «Божок, что на манер стрельца
Пронзает женские сердца».
Что же это, если не сквернословие?
«Доныне бед от глаз мужских
Я не знавала никаких».
Так только скотину честят.
«Но если ты имеешь власть
Будить надменным взором страсть,
Какой бы чудотворный пыл
Ты б нежным взглядом пробудил!
Ты был жесток — влюбилась я;
Любви попросишь, — я — твоя.
Тот, кто пришел к тебе с письмом,
Не знает, что в письме моем.
С гонцом свое посланье шли.
Я знать хочу, желаешь ли
Ты преданной любви мой
С тем, что я дам в придачу к ней.
Иль чувств моих не оценя,
Отказом умертвишь меня».
СИЛЬВИЙ. И это вы считаете оскорблением?
СЕЛИЯ. Увы, несчастный пастух!
РОЗАЛИНДА. Нечего его жалеть! Жалость к таким, как он,

преступна. И ты, пастух, все еще любишь эту женщину? Она превратила тебя в музыкальный инструмент, чтобы с твоей помощью играть свою дисгармоническую партию. Тебе не стыдно? Впрочем, судя по тебе, ты от любви стал чем-то вроде ручной змеи. Ладно, иди к ней и прикажи ей от моего имени любить тебя. Если она считает меня своим господином, пусть только попробует не подчиниться. Она тогда сможет увидеть меня только по твоей просьбе. Понимаешь, такие влюбленные, как ты... но тише, уходи скорей, к нам идут.

(СИЛЬВИЙ *уходит.*)

Входит ОЛИВЕР.

ОЛИВЕР. День добрый, господа! Нельзя ль узнать,
Где тут, среди оливковых деревьев,
Находится лачуга пастуха?

СЕЛИЯ. По этой балке двигайтесь на запад,
И от ручья, заросшего лозой,
Сверните вправо, — домик там стоит.
Но так как сам пастух сейчас в овчарне,
Дом предоставлен самому себе.

ОЛИВЕР. Я вижу сам, но все-таки спрошу.
Я вас по описанию узнал:
«Светловолосый юноша, похожий
На девушку, одетую в мужское,
А по ухваткам — старшая сестра;
И девушка — смуглей и ниже брата».
Не ваш ли дом разыскиваю я?

СЕЛИЯ. Без ложной скромности ответчу: наш.

ОЛИВЕР. Пришел я от Орlando. А тому,
Кого зовет он милой Розалиндой,
Прислал он окровавленный платок.
Не вам ли?

РОЗАЛИНДА. Мне. Но что все это значит?

ОЛИВЕР. Что опозорен я. Хотите знать,
Кто я и где, и как, и почему
Платок был смочен кровью?

РОЗАЛИНДА. Говорите!

ОЛИВЕР. Орlando юный, уходя от вас,
Рассчитывал вернуться через час.
Он лесом шел, в душе его боролась
С мечтою сладкой горькая мечта.
Внезапно — неизвестно почему —

Он обернулся... Глядь: под старым дубом,
Чей ствол и ветви мохом поросли,
А крона оплешивела и сохлась,
Бродяга спит, оборванный и грязный.
А шею обвила ему змея
Зелено-золотая, собираясь
Вонзить свое стремительное жало
Ему в лицо. Орlando шевельнулся —
Змея мгновенно кольца расплела
И вьющеюся лентой — шмыг в траву,
В которой, приготовившись к прыжку,
Огромной кошкой львица распласталась,
С искусанными тощими сосцами,
И не спускала с человека глаз.
Не могут эти царственные звери
На кажущихся мертвыми бросаться.
И только тут Орlando в оборванце
Родного брата, старшего, узнал.

СЕЛИЯ. Орlando нам рассказывал о брате, —
Что нет другого изверга природы
Среди людей, живущих на земле.

ОЛИВЕР. Да, старший брат был извергом природы.

РОЗАЛИНДА. Ужель не спас Орlando от когтей
Голодной львицы брата своего?

ОЛИВЕР. Два раза порывался он уйти,
Но доброта Орlando, благородство
И голос крови в нем заговорили
И удержали. Мести он не внял,
Набросился на львицу и убил.
И тут проснулся я от шума схватки.

СЕЛИЯ. Вы старший брат его?!

РОЗАЛИНДА. Спасенный младшим!

СЕЛИЯ. Которого хотели вы убить?

ОЛИВЕР. Да, это я. Но я переродился.
И чувствую не стыд, а облегченье
От мысли о своих былых грехах.

РОЗАЛИНДА. Вы говорили о платке...

ОЛИВЕР. Да-да.

Когда мы с братом сдобрили слезами
Рассказы наши о пережитом,
Не утаив ни слова друг от друга,
Меня привел он к герцогу в пещеру,
И герцог милостиво разрешил
Орlando поухаживать за мною

По-братски и снабдить необходимым.
И вдруг Орlando с криком «Розалинда!»
Лишился чувств. Как выяснилось, львица
Всю руку брату располосовала
Своей когтистой лапой. Я привел
Орlando в чувство и перевязал.
Едва он отошел от потрясения,
Велел мне извиниться перед вами
За то, что он опять вас обманул,
А этот окровавленный платок
Доставить молодому пастуху,
Которого зовет он Розалиндой.
И вот я здесь.

(РОЗАЛИНДА падает в обморок.)

СЕЛИЯ. Ах, брат мой! Ганимед!
Что с Ганимедом?

ОЛИВЕР. В обморок упал,
Как слабонервные, при виде крови.

СЕЛИЯ. Не так все просто. Бедный Ганимед!

РОЗАЛИНДА (*очнувшись*). Где я?

СЕЛИЯ. Мы отведем тебя домой.

Поддерживайте под руку его.

ОЛИВЕР. Выше голову, юноша! Тоже мне мужчина! Вы ведете себя не по-мужски.

РОЗАЛИНДА. Пусть будет так. Но, признайтесь, ловко я вас разыграл? Никто бы не догадался, что я притворяюсь. Прошу вас рассказать брату о мнимом обмороке Розалинды. Хей-го!

ОЛИВЕР. Перестаньте хорохориться. На вас лица нет. Вы до сих пор еще не оправились.

РОЗАЛИНДА. Поверьте, обморок был ненастоящий.

ОЛИВЕР. Непременно поверю, если вы соберетесь с силами, как настоящий мужчина.

РОЗАЛИНДА. Я и так стараюсь. Но если честно, мне больше бы подошло быть женщиной.

СЕЛИЯ. Идем же. С каждой минутой ты все бледней, а до дома надо еще добраться. Вы мне поможете, сэр, довести его?

ОЛИВЕР. Еще бы! Как же я тогда узнаю,

Прощен ли Розалиндой бедный брат.

РОЗАЛИНДА. Там видно будет. Но я вас очень прошу, расскажите брату о моем притворстве. Хорошо? (*Уходят.*)

АКТ ПЯТЫЙ

Сцена первая

Арденнский лес.

Входят ТОЧИЛЛИ и ОДРИ.

ТОЧИЛЛИ. Мы все равно обвенчаемся, Одри, только наберись терпения, славная моя Одри.

ОДРИ. Не понимаю, чем не понравился тому старику наш добрый священник.

ТОЧИЛЛИ. Он добрый, Одри, этот дурак сэр Оливер, этот беспутный Путанс. Но меня, Одри, больше беспокоит малый, который положил на тебя глаз.

ОДРИ. Не беспокойтесь. Хотя он и ходит за мной, но меня ему не видать как своих ушей. А вот и он сам, легок на помине.

Входит ВИЛЬЯМ.

ТОЧИЛЛИ. Меня хлебом не корми, дай схлестнуться с таким болваном. Мы, люди великого ума, просто обязаны дурачить ему подобных, это наш долг.

ВИЛЬЯМ. Привет, Одри.

ОДРИ. И тебе привет, Вильям.

ВИЛЬЯМ. Привет вам, сэр.

ТОЧИЛЛИ. Привет, дружище. Зачем ты снял шляпу? Надень, сейчас же надень. Сколько тебе лет, дружок?

ВИЛЬЯМ. Двадцать пять, сэр.

ТОЧИЛЛИ. Ты, стало быть, уже созрел? А, Вилли? Тебя ведь зовут Вилли?

ВИЛЬЯМ. Да, сэр.

ТОЧИЛЛИ. Подходящее имя. Ты родом из этих мест?

ВИЛЬЯМ. Слава Богу, из этих.

ТОЧИЛЛИ. Значит, тебе здесь нравится? Молодец! Ты очень богат?

ВИЛЬЯМ. Так себе.

ТОЧИЛЛИ. Так себе? Чудесно, восхитительно, великолепно! Хотя «так себе» — это, значит, ни себе ни людям. А ты часом не дурак?

ВИЛЬЯМ. Нет, сэр, ума мне не занимать.

ТОЧИЛЛИ. Так я и думал. Только умный считает себя глупцом. Зато дурак воображает себя умным. Это такая пословица. Знаешь, когда античный мудрец хотел винограду, он разевал рот,

как сейчас ты, но он это делал в знак того, что виноград предназначен для рта, а рот — для разевания. Ты любишь эту девушку?

ВИЛЬЯМ. Люблю, сэр.

ТОЧИЛЛИ. Поздравляю. А где ты учился?

ВИЛЬЯМ. Нигде, сэр.

ТОЧИЛЛИ. Тогда я дам тебе урок, не сходя с этого места. Итак, имеющий — это тот, который кое-что имеет. По правилам риторики, чтобы вылить вино из бутылки в стакан, необходимо опустошить первую и наполнить последний. А все писатели единогласно утверждают: «ipse» по латыни означает «он». Но это не значит, что ты «ipse», поскольку «он» — это я.

ВИЛЬЯМ. Какой еще «он», сэр?

ТОЧИЛЛИ. Какой «он»? Да тот, который женится на этой девушке. Поэтому, придурок, откажись, а если попросту, — отстань, а если грубо, — отвали от этой дочери Евы, то есть держись от нее подальше, дубина, иначе протянешь ноги во цвете лет или сыграешь в ящик. Если ты не понял, объясняю: я тебя прикончу, сотру в порошок, из жизни твоей сделаю смерть или вечную пытку. Я отравлю тебя, засеку розгами, выпущу из тебя кишки. Я создам против тебя целую партию, я накатаю на тебя донос. В моем распоряжении сто пятьдесят способов извести тебя. Поэтому подожми хвост и катись отсюда.

ОДРИ. Уйди от греха подальше, Вилли.

ВИЛЬЯМ. И то правда. Помилуй вас Бог, сэр. (*Уходит.*)

Входит КОРИНН.

КОРИНН. Хозяева послали меня за вами. Идите скорей, да идите же!

ТОЧИЛЛИ. Беги вперед, Одри! А я за тобой.

(*Уходят.*)

Сцена вторая

Другая часть леса.

Входят ОРЛАНДО и ОЛИВЕР.

ОРЛАНДО. Чудеса да и только! Не успел ты ее увидеть, как она тебе понравилась; не успела она тебе понравиться, ты в нее влюбился; не успел влюбиться, посватался; не успел посвататься, она дала согласие. Ты действительно хочешь жениться?

ОЛИВЕР. Перестань ломать голову. Да, она бедна, да, я ее совсем не знаю, да, я скоропалительно посватался, да, она мгновенно согласилась выйти за меня. Но главное — я люблю ее, а она — меня. Если бы ты чувствовал то, что чувствуем мы, ты бы понял: мы с нею созданы друг для друга. Тебе от этого хуже не будет. Забирай дом и все поместья нашего отца. А я буду жить пастушеской жизнью до самой смерти.

ОРЛАНДО. Будь по-твоему. Я предупрежу герцога и его веселых приближенных, что у тебя завтра свадьба. Иди и обрадуй невесту. А вот и моя Розалинда.

Входит РОЗАЛИНДА.

РОЗАЛИНДА. Храни вас Бог, братец.

ОЛИВЕР. И вас также, братец. (*Уходит.*)

РОЗАЛИНДА. Ах, мой дорогой Орландо! Мне грустно оттого, что на ваше сердце наложена повязка.

ОРЛАНДО. Повязка у меня на руке.

РОЗАЛИНДА. А я полагал, что именно ваше сердце оцарапано львицей.

ОРЛАНДО. Нет, мое сердце оцарапано женскими глазами.

РОЗАЛИНДА. А вам рассказали, как на удивление ловко я притворился при виде вашего окровавленного платка?

ОРЛАНДО. Мне рассказали и о более удивительных вещах.

РОЗАЛИНДА. Догадываюсь, о каких. В самом деле по внезапности с этим может сравниться только сшибка двух козлов или победа Цезаря, увенчанная похвалой: «Пришел, увидел, победил!» Ваш брат и моя сестра едва обменялись приветствиями, как укололи друг друга взглядами; едва обменялись взглядами, как пустили друг другу стрелу в сердце; едва обменялись любовными стрелами, стали вздыхать; едва обменялись вздохами, объяснились в любви; едва обменялись признаниями, завели разговор о том, чтобы обменяться кольцами. Они так стремительно вскочили на ступеньки любовной лестницы, что либо взлетят по ней к вер-

пинам брака, либо слетят с нее на дно внебрачной любви. И тот и другая буквально одурели и умирают от неутоленного желания. Их теперь и водой не разольешь.

ОРЛАНДО. Пусть потерпят до завтра. Я приглашу герцога и его свиту на их свадьбу. Но до чего же горько, будучи несчастным, наблюдать за счастьем ближнего! Я становлюсь тем несчастней, чем ближе мой счастливый брат к предмету своих желаний.

РОЗАЛИНДА. Выходит, завтра я уже не буду нужен вам в качестве Розалинды?

ОРЛАНДО. Я больше не могу питаться одними иллюзиями.

РОЗАЛИНДА. Тогда и я больше не буду приставать к вам с пустяками. Пора поговорить совершенно серьезно. Вы безупречны как человек и дворянин. Я это знаю давно, но говорю теперь не для того, чтобы поразить вас догадливостью. Я не собираюсь добиваться вашего расположения, поэтому можете отнестись с надлежащим доверием к моим словам. Скажу просто: я могу вам помочь, но не потому, повторяю, что я перед вами заискиваю, а потому, что обладаю кое-какими сверхъестественными способностями и помочь вам не составит для меня особого труда. Хотите, верьте, хотите, нет, но я с трех лет находился на воспитании у одного очень искусственного чародея, который не имел никакого отношения к черной магии. Если вы любите свою Розалинду так же страстно, как красноречиво говорит об этом ваш внешний вид, то вы назовете ее своей женой в тот же самый миг, когда ваш брат скажет то же самое моей сестре. Вашей возлюбленной сейчас несладко, но в моих силах предъявить вам завтра подлинную Розалинду — если это потом не заставит вас раскаяться, — и не причинить ей при этом никакого вреда.

ОРЛАНДО. В своем ли ты уме?

РОЗАЛИНДА. О да! Клянусь жизнью, которая мне еще не надоела, хоть я отчасти и волшебник! Можете наряжаться и звать друзей на свадьбу: если вы хотите жениться, завтра вы женитесь и даже — если не передумаете — на своей Розалинде. А теперь посмотрите на ту интересную парочку: он влюблен в нее, а она в меня.

Входят СИЛЬВИЙ и ФЕБА.

ФЕБА (РОЗАЛИНДЕ). О юноша жестокий, для чего

Мое письмо вы Сильвию прочли?

РОЗАЛИНДА. А почему бы нет? Я и хотел

Вас проучить, прикинувшись жестоким.

Займитесь лучше этим пастушком,

Любите обожающего вас.

ФЕБА (СИЛЬВИЮ). Скажи ему, что значит быть влюбленным.

СИЛЬВИЙ. Лить слезы и вздыхать, как я по Фебе.

ФЕБА. А я — по Ганимеду.

ОРЛАНДО. А я — по Розалинде.

РОЗАЛИНДА. А я — ни по одной из женщин.

СИЛЬВИЙ. Страдать и все сносить, как я от Фебы.

ФЕБА. А я — от Ганимеда.

ОРЛАНДО. А я — от Розалинды.

РОЗАЛИНДА. А я — ни от одной из женщин.

СИЛЬВИЙ. Быть сотканным из страсти, из мечты,

Из преклоненья, робости и чести,

Из целомудрия и уваженья,

Из искушения, из нетерпенья

И из терпения, как я для Фебы.

ФЕБА. А я — для Ганимеда.

ОРЛАНДО. А я — для Розалинды.

РОЗАЛИНДА. А я — ни для одной из женщин.

ФЕБА (РОЗАЛИНДЕ). Тебя люблю я, в чем моя вина?

СИЛЬВИЙ (ФЕБЕ). Тебя люблю я, в чем моя вина?

ОРЛАНДО. Тебя люблю я, в чем моя вина?

РОЗАЛИНДА. А вы кому сказали эту фразу:

«Тебя люблю я, в чем моя вина?»

ОРЛАНДО. Той, кто не тут, и тех не слышит слов.

РОЗАЛИНДА. Прекратите ныть! Развылись тут, как волки на луну! (СИЛЬВИЮ.) Буде это в моих силах, я вам помогу. (ФЕБЕ.) Буде это в моих силах, я бы вас полюбил. (ВСЕМ.) Я назначаю всем вам встречу завтра на этом месте. (ФЕБЕ.) Если я обвенчаюсь с женщиной, то только с вами, а завтра я венчаюсь. (К ОРЛАНДО.) Если я смогу принести счастье мужчине, то только вам, и завтра вы обвенчаетесь. (СИЛЬВИЮ.) Если вас утешит то, к чему вы стремитесь, я вас утешу, и завтра вы обвенчаетесь. (К ОРЛАНДО.) Приходите, если вам дорога Розалинда. (СИЛЬВИЮ.) Приходите, если вам дорога Феба. И я приду, если мне не дорога ни одна из женщин. Итак, до завтра. Смотрите, не опоздайте.

СИЛЬВИЙ. Коль доживу, приду.

ФЕБА.

И я.

ОРЛАНДО.

И я.

(Уходят.)

Сцена третья

Другая часть леса.

Входят ТОЧИЛЛИ и ОДРИ.

ТОЧИЛЛИ. Завтра счастливый день, Одри, завтра наша свадьба.

ОДРИ. Я так ее жду — мочи нет. По-моему нет ничего незаконного в желании вступить в законный брак. А это часом не пажи герцога идут?

Входят двое ПАЖЕЙ.

ПЕРВЫЙ ПАЖ. Какая встреча, дружище!

ТОЧИЛЛИ. Честное слово, встреча так встреча! Живо садитесь и пойте.

ВТОРОЙ ПАЖ. Петь так петь. И ты подсаживайся к нам.

ПЕРВЫЙ ПАЖ. Прямо так сразу и запеть? Не прочистить горло, не сплюнуть, не посетовать на голос, не привести ни одну из причин, которые мешают петь плохим певцам?

ВТОРОЙ ПАЖ. Именно так и споем и оба в одном тоне, как два цыгана на одной кобыле. *(Поют.)*

Пришел с подружкою дружок —
Тра-ля, ля-ля, тра-лям-пам-пам! —
Однажды в мае на лужок.
Весна, весна вернулась к нам!
Чирикает пичужка.
Идет с дружком подружка.

А травка мягкая была —
Тра-ля, ля-ля, тра-лям-пам-пам! —
С дружком подружка прилегла.
Весна, весна вернулась к нам!
Чирикает пичужка.
Лежит с дружком подружка.

Шалили так они вдвоем —
Тра-ля, ля-ля, тра-лям-пам-пам! —
И жизнь казалась им цветком.
Весна, весна вернулась к нам!
Чирикает пичужка.
Шалит с дружком подружка.

Люби, пока ты жизни рад —
Тра-ля, ля-ля, тра-лям-пам-пам! —
Любовь — превыше всех наград.
Весна, весна вернулась к нам!
Чирикает пичужка.
Люби дружка, подружка.

ТОЧИЛЛИ. Не ожидал, юноши, не ожидал. Такую незатейливую песенку и так фальшиво спеть!

ПЕРВЫЙ ПАЖ. Неправда, мы пели в тон и хорошо держали ритм.

ТОЧИЛЛИ. Что верно, то верно, клянусь честью: своим монотонным блеяньем вы меня задержали. Дай вам Бог всего хорошего, в том числе и хорошего слуха! Идем, Одри.

(Уходят.)

Сцена четвертая

Другая часть леса.

Входят СТАРЫЙ ГЕРЦОГ, АМЬЕН, ЖАК, ОРЛАНДО,
ОЛИВЕР и СЕЛИЯ.

ГЕРЦОГ. И ты поверил юноше, Орландо,

Что он способен это совершить?

ОРЛАНДО. Боюсь и верить и боюсь не верить,

Надеюсь и надеяться боюсь.

Входят РОЗАЛИНДА, СИЛЬВИЙ и ФЕБА.

РОЗАЛИНДА (ГЕРЦОГУ). Прошу внимания. По договору,

Я обещал вернуть вам Розалинду,

А вы клялись вручить ее Орландо?

ГЕРЦОГ. В придачу с королевством, если б мог.

РОЗАЛИНДА (к ОРЛАНДО).

Явись она, вы с ней бы обвенчались?

ОРЛАНДО. Все королевства отдал бы за это!

РОЗАЛИНДА (ФЕБЕ). Дай я согласие, вышли б за меня?

ФЕБА. Пошла бы, даже зная, что умру.

РОЗАЛИНДА. Но если я вас чем-то не устрою,
Вы отдадите руку пастуху?

ФЕБА. Отдам, наверно.

РОЗАЛИНДА (СИЛЬВИЮ). Сильвий, если Феба
Пойдет за вас, вы женитесь на ней?

СИЛЬВИЙ. За это счастье жизнь готов отдать!

РОЗАЛИНДА. Ну, вот и славно. Герцог, вы клялись
Дочь выдать за Орlando. Он поклялся
На ней жениться. Феба поклялась
Стать мне женою, если подойду,
А если нет, — женою пастуха.
А Сильвий клялся Фебу в жены взять,
Когда я Фебе стану неугоден.
Теперь уйду, чтоб это все сбылось.

(РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ уходят.)

ГЕРЦОГ. Я не могу отделаться от мысли,
Что юноша — моя родная дочь.

ОРЛАНДО. А я сначала принял пастушка
За брата вашей дочери, мой герцог.
Но он родился здесь, а воспитанье
С основами магических наук
Ему дал дядя, магии магистр,
Привыкший жить в лесу, в уединенье.

Входят ТОЧИЛЛИ и ОДРИ.

ЖАК. На носу всемирный потоп, не иначе: все кому ни
лень спариваются, чтобы за столбить за собою место в ковчеге.
Полюбуйтесь-ка на эту пару тварей, которых никто в мире иначе
как дураками и не называет.

ТОЧИЛЛИ. Низкий поклон всей честной компании!

ЖАК. Будьте с ним поласковее, добрейший герцог. Я вам
рассказывал об этом господине. Он человек высокого ума, хотя и
дурак. Кроме того, он, по его словам, жил при дворе.

ТОЧИЛЛИ. Подвергните меня какому угодно испытанию, если
не верите. Я умею танцевать, любезничать с красотками, при-
кидываться другом и улыбаться врагам. Я трех портных обобрал
до нитки, четырежды ссорился, а однажды чуть было не принял
участия в поединке, — чем не придворный?

ЖАК. А что вам помешало?

ТОЧИЛЛИ. Мы с моим противником помирились, приняв во
внимание седьмой параграф.

ЖАК. Какой там еще седьмой параграф? Мой герцог, этот человек должен вам понравиться.

ГЕРЦОГ. Он мне уже нравится.

ТОЧИЛЛИ. Хотел бы я сказать то же самое и о вас, награди вас Бог за вашу доброту! Я здесь для того, чтобы еще одной парочкой в лесу стало больше. Я собираюсь вместе с этими поселянами дать клятву, а потом стать клятвопреступником в подтверждение того, что плоть супругов едина, а кровь различна. Эта несчастная девица — далеко не красавица, — зато она безраздельно принадлежит мне. Повинуясь злосчастному влечению сердца, я покупаю то, что другие не взяли и даром. Но порою перлы добродетели напоминают скрягу, который ютится в покосившейся избушке, как жемчужина в ослизлой раковине.

ГЕРЦОГ. Клянусь честью, в своих шутках он очень точен и остер!

ТОЧИЛЛИ. Стрелы шута и должны быть такими — точными и острыми, как и все, что причиняет благотворную боль.

ЖАК. Вы забыли о седьмом параграфе. При чем здесь ваш поединок и этот самый седьмой параграф.

ТОЧИЛЛИ. Семь параграфов — это семь способов опровержения лжи. — Перестань, Одри, это неприлично. — Вот как все происходило. Я сказал одному придворному пару слов касательно его некрасивой бороды. «Простите, — ответил он, — я имею на этот счет иное мнение». Это был Вежливый Ответ. «Нельзя же, — заметил я, — полагаться только на собственное мнение». — «Понимаете, — заявил он, — я имею слабость доверять собственному вкусу». Это была Сдержанная Колкость. «Однако бороду-то вы отпустили в соответствии с дурным вкусом», — возразил я. «Сомневаюсь, разбираетесь ли вы в подобных вопросах», — парировал он. И это была Откровенная Дерзость. «Если бы я в них не разобрался, — продолжал я, — то ходил бы с точно такой же бороденкой». — «Мне кажется, вы не понимаете, о чем, собственно, идет речь», — сказал он. Это была уже Резкая Отповедь. «Но борода-то у вас все-таки некрасива!» — воскликнул я. И тут он обвинил меня в намеренном искажении фактов. Это был Оскорбительный Выпад. А еще в нашем распоряжении оставалась Неочевидная и Явная Ложь.

ЖАК. А что было дальше?

ТОЧИЛЛИ. Я предпочел не доводить его до Неочевидной Лжи, а он вряд ли бы рискнул употребить Ложь Явную. В общем, мы, побряцав оружием, раскланялись.

ЖАК. Напомните, нам, пожалуйста, все способы опровержения лжи.

ТОЧИЛЛИ. Пожалуйста. Видите ли, сэр, в книжке о правилах хорошего тона, по которой мы ссорились, опровержениям лжи было посвящено семь параграфов. В первом говорилось о Вежливом Ответе, во втором разбиралась Сдержанная Колкость, в третьем изучению подвергалась Откровенная Дерзость, в четвертом исследовалась Резкая Отповедь, в пятом трактовался Оскорбительный Выпад, в шестом освещалась Неочевидная Ложь, в седьмом логически осмыслялась Ложь Явная. Все, кроме Явной Лжи, неопасно для жизни, однако и Явную Ложь можно приручить словечком «предположим». Однажды при мне семеро судей не могли примирить ссорящихся, которые уже засучили рукава, и вдруг одного из них осенило: «Предположим, вы имели в виду это, — сказал он другому, — тогда я имел в виду то». В результате: они пожали друг другу руки и расстались братьями. С помощью «предположим» можно творить чудеса — вплоть до предотвращения войны.

ЖАК. Он просто чудо, ваша светлость, не правда ли? Семи пядей во лбу и тем не менее — дурак дураком.

ГЕРЦОГ. Он прячется в глупости, как в укрытии, из которого ему удобнее посылать в цель свои стрелы.

Входят ГИМЕНЕЙ, РОЗАЛИНДА и СЕЛИЯ.

ГИМЕНЕЙ. Смеется небосвод:

Клубок земных забот
Распутан наконец.
И я отцу не прочь
Вручить пропажу-дочь.
И пусть теперь отец
Отдаст ее тому, кто с ней
Готов прожить остаток дней.

РОЗАЛИНДА (ГЕРЦОГУ). Я ваша дочь, теперь я в вашей воле.

(К ОРЛАНДО.)

Я вам жена, теперь я в вашей воле.

ГЕРЦОГ. Не сон ли это — вижу дочь свою?

ОРЛАНДО. Не сон ли это — вижу Розалинду?

ФЕБА. Надежды больше нет.

Прощай, мой Ганимед!

РОЗАЛИНДА (ГЕРЦОГУ). Нет, кроме вас, отца у Розалинды.

(К ОРЛАНДО.)

Нет, кроме вас, супруга Розалинде.

(ФЕБЕ.)

Женою став, как в жены вас возьму?

ГИМЕНЕЙ. Веселый ералаш
Растаял, как мираж,
И невдали финал.
Пришел я в эту глушь,
Чтоб восемь добрых душ
Навеки брак связал.

(РОЗАЛИНДЕ и ОРЛАНДО.)

Вам — всю жизнь прожить без ссор.

(ОЛИВЕРУ и СЕЛИИ.)

Вам — хранить любви костер.

(ФЕБЕ.)

Вам — любить дружка вполне
Иль женою стать жене.

(ТОЧИЛЛИ и ОДРИ.)

Вы вдвоем с супругою —
Как буран со вьюгою. —
Пусть теперь честной народ
Все оценит и поймет.
Ну, а нам пришла пора
Веселиться до утра.

ВСЕ (*поют*). Семья — священный храм Юноны,
Постели с пиром плод почтенный!
О Гименей, твои законы —
Источник жизни во вселенной!
Хвала тебе, о Гименей,
Благословляющий людей!

ГЕРЦОГ. Племянница, вторая дочь моя!
Тебе с супругом рад сердечно я.

ФЕБА (СИЛЬВИЮ). Я стать твоей супругою должна.
Твоим терпеньем я покорена.

Входит ЖАК ДЕ БОР.

ЖАК ДЕ БОР. Минуточку вниманья, ваша светлость!

Я средний сын Ролана Жак де Бор
И вашего веселья не испорчу.
Должны вы знать, что герцог Фредерик,
Устав доклады слушать о побегах
Дворян в Арденнский лес, вооружился
И сам повел отряд, намереваясь
Убить и вас, и ваших приближенных.
Но не успел он к лесу подойти,
Как на лачугу схимника набрел
И от беседы с ним преобразился,
Отряд свой распустил и объявил,
Что он ушел от суеты мирской,
Отрекся в вашу пользу от престола,
А изгнанным их земли возвратил.
Клянусь вам жизнью, весть моя правдива!

ГЕРЦОГ. Добро пожаловать, мой юный друг!
Ты братьев перед свадьбой осчастливил:
Дал старшему владения отца,
А младшему — престол и земли тестя.
Но то, что завязалось здесь, в лесу,
Здесь и найдет счастливую развязку.
А уж потом те, кто в лесу Арденнском,
Со мной удар судьбы перенесли,
Утешатся, согласно их заслуг,
Дарами новоявленной фортуны.
Но титулы забудем для пирушки:
Здесь только пастухи и их пастушки.
Теперь танцуйте все — и млад и стар —
Среди счастливых новобрачных пар!

ЖАК. Я не ошибся, вы сейчас сказали,
Что узурпатор в схимники пошел
От роскоши дворцовой?

ЖАК ДЕ БОР. Не ошиблись.

ЖАК. Пойду с ним пообщаюсь. Неофита
Полезно иногда понаблюдать.

(ГЕРЦОГУ.)

Вам — оставаться в славе и почете
За благородство и многотерпенье.

(К ОРЛАНДО.)

Вам — в искренней любви за вашу верность.

(ОЛИВЕРУ.)

Вам — в крепких узах счастья и достатка.

(СИЛЬВИЮ.)

Вам — в длительных супружеских утехах.

(К ТОЧИЛЛИ.)

Вам — в перебранках. Месяц-два от силы

Любовь питать вас будет. Счастья вам!

Танцуйте! Я ж пойду к святым отцам.

ГЕРЦОГ. Куда вы, Жак? Останьтесь. Потанцуем.

ЖАК. Свое оттанцевал я в полной мере.

Я ваших приказаний жду в пещере.

(Уходит.)

ГЕРЦОГ. Начнем веселый свадебный обряд.

Пусть все у молодых пойдет на лад!

(Танцы. Все уходит.)

ЭПИЛОГ

РОЗАЛИНДА. Вы, пожалуй, ни разу не видели женщину в роли Эпилога. Кому это не нравится, пусть вспомнит о мужчине в роли Пролога. Согласна, хорошее вино пьется и без этикетки, а хорошая пьеса смотрится без эпилога. Но если хорошему вину не мешает этикетка, то хорошей пьесе не повредит и хороший эпилог. Если же я, по-вашему, плохой Эпилог, что тогда? Как я смогу защитить от ваших нападков хорошую пьесу? Если бы я была в лохмотьях, я бы прикинулась нищенкой, просящей подаяния. А так мне остается только умолять. Начнем с женщин. Милые женщины! Ради вашей любви к мужчинам, заклинаю вас похвалить хотя бы то, что вам понравилось в этой пьесе! Милые мужчины! Ради вашей любви к женщинам, — а по вашим игривым улыбкам

не скажешь, что вы не рады женскому обществу, — заклинаю вас добиться того, чтобы эта пьеса понравилась и женщинам, и вам. Если бы я не носила по ходу действия штанов и камзола, я бы сошла в зал и расцеловала всех, у кого усы не лишены приятности, лица не лишены привлекательности, а дыхание лишено дурного запаха. Но поскольку у многих из вас красивые усы, симпатичные лица и чистое дыхание, я уверена, вы по достоинству оцените мои добрые пожелания, а когда я откланяюсь, проводите меня шквалом рукоплесканий. (*Уходит.*)

23 декабря 1991 — 29 января 1992

